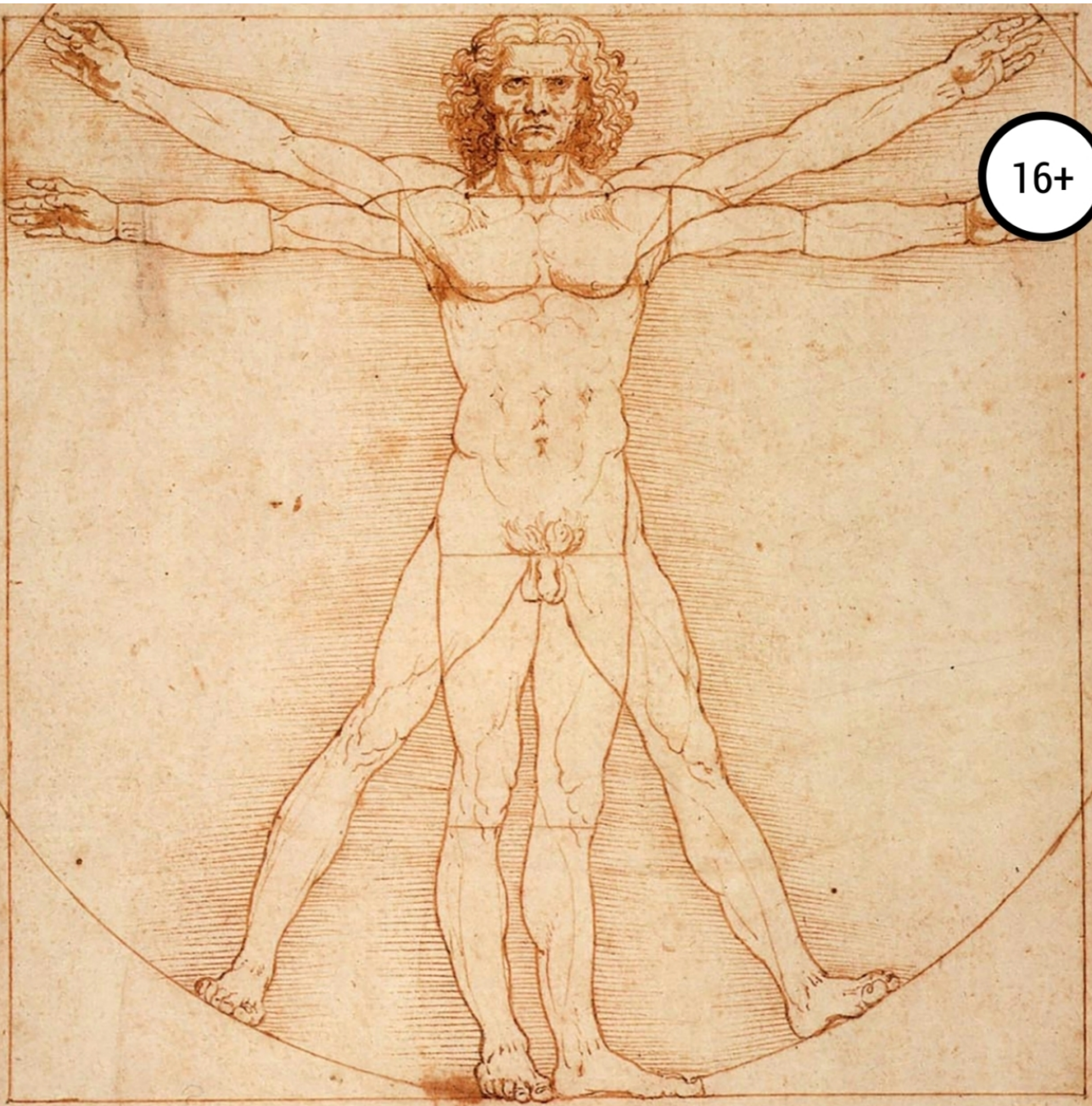


16+



Мария Полянская

Пережив себя

Мария Полянская
Пережив себя

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Полянская М.

Пережив себя / М. Полянская — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Это роман-исповедь о неправильной любви, которая выпала на долю героини, полностью изменив ее жизнь, и ради которой ей пришлось отказаться от прежней себя.

Содержание

Предисловие.	6
Письмо 1. Слова и письма	8
Письмо 2. Город и время	11
Письмо 3. Вина и беда	16
Письмо 4. Любовь и пустота	20
Письмо 5. Красота и грязь	23
Письмо 6. Память и слезы	27
Письмо 7. Случайное и вечное	31
Письмо 8. Тогда и теперь	34
Письмо 9. Мораль и близость	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мария Полянская

Пережив себя

I will survive...

Предисловие.

Этот дневник вела моя клиентка, Лара С., приходившая ко мне на сеансы психотерапии в течение двух лет. Лара обратилась ко мне по причине невозможности разрешить или принять сложившуюся в ее жизни ситуацию, перепробовав к тому моменту целый ряд тех или иных мер. Я встречалась с Ларой не чаще, чем раз в 3-4 месяца по ее собственной инициативе. За этот период Лара вплотную подошла к разрешению ситуации и осуществила задуманное. Однако выбранный ей способ повлек за собой определенные последствия для ее духовного и физического здоровья. С этим Лара вновь обратилась ко мне спустя некоторое время. Во время нашей последней встречи я порекомендовала Ларе вести дневник или писать письма, чтобы дать выход эмоциям и чувствам, загнанным вглубь ее тела и разрушающим ее физически. Через полгода Лара прислала мне эту рукопись по электронной почте. С тех пор я больше не видела свою клиентку, она не оставляла мне номера своего телефона, как я теперь полагаю, намеренно. Адрес, с которого пришла рукопись, ликвидирован, и я склонна думать, что все это – звенья одной цепи.

Я как профессионал не могу не признать, что Лара была мне интересна, в первую очередь, как моя клиентка, а уж далее – как конкретно взятый человек с его духовным миром. Однако не скрою, что за эти годы общения я увидела в ней не только иллюстрацию действия тех или иных законов человеческой психики, но и живого, страдающего, глубоко симпатичного мне лично человека. Поэтому мне, безусловно, хотелось бы знать, чем закончится эта история, и я публикую рукопись по просьбе Лары, высказанной ей в тексте электронного письма единственно потому, что надеюсь числить ее среди живых и здравствующих. Удачи и счастья вам, Лара!

Предисловие от Лары

Это новое предисловие – вынужденная мера вмешательства жизни текущей в жизнь пережитую, описанную, препарированную и очищенную. Я как психотерапевт, соавтор и издатель писем Лары, отнюдь не подозревала, что пока ее рукопись мало-помалу появляется на страницах всемирной паутины, Лара будет внимательно следить за тем, что происходит, из своего никому не известного далека, изредка вмешиваясь в процесс и корректируя написанное ей самой. Так, недавно я получила от нее текст с требованием дословно разместить его в качестве предисловия к ее рукописи, что я и делаю под ее весьма жестким нажимом.

Признаюсь, увидев свои посмертные письма на сияющем изнутри экране компьютера, я поняла, что история приняла новый оборот, высвечивая те детали, которые до настоящего времени оставались в надежной тени. Читая повесть собственных страданий, боли и слез, я, безусловно, испытывала новое переживание, но далеко не такое сильное, как то, которое охватывало меня в момент нанесения строчек на компьютерный лист. Я понимала, что это все это уже в какой-то степени не я, или не совсем я – потому что это я, пережившая что-то важное в себе, лишившаяся чего-то главного, изгнавшая из себя что-то определяющее, и потому почти что чужая самой себе, существующей в письмах.

Может, в этом и заключалась мудрость лечения – в том, чтобы я взглянула на себя со стороны, поняла, как я теперь бесконечно далека от себя тогда, ужаснулась глубине собственного падения и нашла в себе силы полюбить себя такую, какая я получилась, – не знаю. Осознаю лишь то, что мне еще по-прежнему больно, и пока эта боль не утихнет, я обречена писать и печатать, но уже и вполнину нет той ненависти и злобы, которая помогала мне преодолевать, как я думала, саму себя, а на самом деле – просто была нужна мне когда-

то как засохшая корочка, закрывающая доступ к открытой ране. Как только рана начала затягиваться, корочка стала не нужна и отпала сама собой.

Или нет, или мне нужно еще счищать и счищать ее с огрубевшей души? Ведь я только сейчас понимаю, почему я не хочу говорить с тобой – ведь дело вовсе не в том, что мне не разрешает мой психотерапевт, мой соавтор и создатель, нет, все не так. Я действительно не могу говорить с тобой въяве – все, связанное с тобой не-героем моих писем, а реальным человеком из плоти и крови – еще по-прежнему живое, пульсирующее болью настоящее. Ты в письмах – уже мое прошлое, но стоит тебе возникнуть в моей теперешней жизни в трубке телефона или в потоке машин, как я тут же понимаю, что ты в жизни – отнюдь не прошлое. Смысл моей работы над ошибками, к которой я приговорена этими письмами, в том, чтобы оставить в прошлом все – боль, страдания, унижения, и того, кто их причинил, а это значит, и тебя тоже. Ты должен остаться в моем прошлом, только так я смогу пережить себя и остаться в живых. А это значит – для меня ты должен умереть там, в конце моей истории, которого я еще пока не вижу, но к которому стремлюсь. Это не значит, что я желаю твоей смерти, это значит, что для меня сегодня нет ничего страшнее живого покойника.

С другой стороны, я бы желала, чтобы реинкарнация была возможна, и я однажды, не сейчас, но когда-нибудь встретила бы кого-то, как ты, во всем, кроме нашего прошлого, кого-то абсолютно незнакомого, но такого родного, словно мы две половинки рассеченной ударом меча старинной монеты, которые были вручены двум братьям, отправившимся в дальние странствия. Встреча бы знаменовала, что мы – ты и я – завершили свои круги, узнали друг друга и готовы перевоплотиться во что-то новое, что означает, в конечном итоге, смерть сущего, и так до бесконечности...

Письмо 1. Слова и письма

Я каждый раз тебя люблю и умираю,
Я каждый раз тебя из сердца вырываю.
Я каждый раз тебя в душе своей топлю.
И все равно – люблю, люблю, люблю...

Я и раньше писала тебе письма, если помнишь. Можно сказать, что помимо романа в жизни у нас был роман в письмах, по сути, представлявший собой ровно такую же бездну непонимания, как и вся наша трагедия, но теперь это уже не важно. Я думала, что больше никогда в жизни не напишу тебе ни строчки, не скажу ни слова, не отправлю ни единой смски, и так оно и будет. Я делаю это только ради доктора, которая считает, что «так будет лучше». Во всяком случае, ты никогда в жизни не прочтешь этих писем, потому что я пишу их не для тебя, а для себя.

Так вот, вернемся к тому, что я писала тебе письма. У меня до сих пор хранится объемный файл, в котором, словно в колодце днем, плещется темное и грозное ночное небо. Раньше, пока мы были еще вместе, я боялась его перечитывать, потому что каждая строчка сочилась живой и алой кровью, и, читая ровные и четкие компьютерные знаки, я всякий раз заново проживала свою боль и обиду. Согласись, что это невыносимо – вновь и вновь смотреть в театре трагедию собственной неудавшейся любви и жизни. Я и не смотрела, а старательно копировала все новые и новые потоки слов и знаков. До тех пор, пока однажды не перечитала все написанное за несколько лет и не ужаснулась. Это был бред сумасшедшего, с маниакальным упорством пляшущего вокруг одних и тех же камней, о которые этот несчастный все вновь и вновь разбивал себе голову. Иными словами, много лет я писала тебе письма об одном и том же. Много лет я кликушествовала, словно пророк в пустыне. Много лет я болела одной и той же болезнью и описывала одни и те симптомы. И ровно столько же лет ты меня не слышал и не слушал. И ровно столько же лет ты отрицал самое меня, и поносил меня, и упрекал меня за то, что я была сама собой. И ровно столько же лет ты не понимал меня и не считал нужным даже попытаться это сделать. Ты тоже ходил по кругу все эти годы. Зачем же я писала все эти письма?

Я точно знаю, зачем я писала их тогда. Мы стали глухими и слепыми от той долгой и мучительной болезни, которой болели много лет. Иначе нельзя назвать те отношения рабской физической и духовной зависимости друг от друга, которые мы смогли разорвать лишь недавно, да и то ценой собственных жертв и благодаря манипуляциям тех, кто все это время смотрел на нас трезвым и рациональным взглядом. Мы были больны, мы отчаянно нуждались друг в друге, но лишь на одну краткую минуту соития мы становились одним целым, ты помнишь, я называла это природнением, но стоило объятиям разомкнуться, как мы тут же ожесточенно нападали друг на друга. И тогда словам не было места в борьбе за право быть услышанной и понятой – с моей стороны и право истолковывать и судить – с твоей. Это была борьба на выживание, вот только я не знаю, кто из нас по-настоящему выжил.

Но так было не всегда. Болезнь ведь не наступает внезапно – она подкрадывается, она стелется, она наступает, она завоевывает, она овладевает, и потом наступает точка невозврата. Жаль, что мы ее прошли, хотя может быть, так было суждено с самого начала? Ведь когда-то мы часами говорили обо всем и везде – в постели, по телефону, на работе, дома и на улице. И тогда каждое слово весило ровно столько, сколько надо и ни граммом меньше, и тогда каждое

слово было просто одним смыслом, и никто не искал в нем второго и третьего дна, и тогда каждое слово было Бог и Любовь.

Ты же знаешь, что слова – моя профессиональная стихия. Я их люблю, собираю, шлифую, тасую в колоды текстов, складываю в схроны, оправаляю как драгоценные камни, заменяю ими реальную жизнь. Я всегда верила в то, что говорила сама и в то, что слышала. Я считала абсурдной саму идею о том, что у каждого из нас собственный язык, ибо каждый вкладывает в слово собственные смыслы. Едины лишь понятия, но они существуют вне языка, в голове, а мысль воплощенная, как известно, есть ложь. Как же я ошибалась, но это стало понятно лишь тогда, когда мы с тобой открыли рот не для поцелуя. И каждое слово, сказанное мной, оказалось ложь, прах и тлен для тебя, и за каждое слово, вырвавшееся из моего рта, словно облачко пара в морозный день, ты судил и казнил меня, хотя я ничего об этом не знала. Я пребывала в убеждении, что два человека, любящих друг друга столь же безмерно как мы, не могут не понимать друг друга, потому что в основе всего, что они думают и изрекают, лежит любовь. Но для тебя любовь была отдельно, а я и мое прошлое, мое настоящее и даже будущее – отдельно, и одно никак не оправдывало другое. Я говорила, рассказывала, плела истории, а ты слушал и раскладывал их по папочкам – это для одного судебного заседания, это для другого, этим можно смягчить приговор, а это потянет на отягчающее обстоятельство. Я открывала тебе самое сокровенное в своей жизни, а ты подшивал мои исповеди к делу – делу о недостойном, о грязном, о порочном, о низком в человеке, в женщине и во мне. Я думала, что никто и никогда не понимал меня лучше тебя, но я ошиблась ровно на 180 градусов – никто и никогда не понимал меня так чудовищно неправильно. Словно глаголы и существительные вдруг взбунтовались против меня и стали жить своей отличной от всех и понятной только тебе жизнью, словно определения и обстоятельства вдруг вывернулись наизнанку и стали означать нечто противоположное самим себе – назло мне. Я говорила и чувствовала, что каждым новым словом все множу и множу непонимание, и ты кричал на меня, что не желаешь слушать мои объяснения. Ведь тебе, уже знавшему истинную цену собственным словам, не были нужны мои версии.

Я все-таки нащупала нужное слово – версии. У нас с тобой были разные версии одних и тех же слов и их смыслов. Наши версии никогда не совпадали, последнее время – даже на долю процента. Они были несовместимы, словно разные операционные системы – одни и те же события выглядели в них по-разному. Теперь я думаю, что мы сами представляем собой разные версии неких операционных систем – поэтому нам так и не удалось совместить ни одного файла. Ты понимаешь, о чем я говорю, не правда ли?

Но вернемся к словам. Мои слова причиняли боль тебе, твои – ранили меня в самое сердце, так имело ли смысл вливать яд в уши друг другу? Письма стали для меня отдушиной, возможность сказать тебе что-либо прямо в душу, а не в голову, как бы кощунственно это ни звучало. Когда я писала письмо, я думала, творила и любила одновременно, я разговаривала с тобой без грубости, обиды и раздражения, я словно слышала, как ты читаешь его у меня за плечом. Я тщательно подбирала слова, я подолгу правила текст, словно это был роман, а не попытка оправдаться, объясниться, достучаться, спастись и спасти самой. В письмах я общалась с тобой по-настоящему: я говорила, а ты слушал, потом ты отвечал, а я подхватывала, и мы приходили к чему близкому и общему, ведь у этих слов неслучайно один корень. Общение это то, что позволяет достичь компромисса, согласия, умиротворения. Нам с тобой так этого не хватало в жизни реальной, и я надеялась восполнить это в письмах.

Ты уничтожал мои послания в почтовом ящике, ты отправлял их обратно с припиской, что не читал, ты чувствовал себя оскорбленным уже потому, что вместо диалога я предпочитала монолог как единственно возможный жанр. Ты обвинял меня в неумении слушать, в неумении вести разговор, в неумении уважать собеседника и во многом другом, что было для меня по меньшей мере странно – ведь я и язык были с детства одно целое, и никогда еще я не слышала от других людей о том, что со мной невозможно вести беседу. Позже я поняла, что беседа возможна, но не с тобой. С тобой общение – это бурный поток реки, в котором остается только плыть по течению. Стоит выпрямиться во весь рост, попробовать сделать шаг против течения, как тебя опрокидывает, переворачивает и со всей силы бьет о скрытые под водой камни. Синяки и раны, причиненные за эти годы, даже не успевали заживать на теле и в душе... А поток все нес и нес меня за собой.

Но теперь я выбралась из потока и, сидя на берегу, залечиваю раны. И пока они болят, я сушу волосы и пишу тебе письма, и кладу их в бутылку, чтобы потом вернуть их потоку. Тому самому, в который, к счастью, нельзя войти дважды.

Письмо 2. Город и время

Когда-то это был для меня просто город – место обитания. Когда-то именно из этого города я уехала в другой Город, жизнь в котором оставила на мне несмываемый след. Я всегда чувствовала тот, второй Город, как особое, мне предназначенное место, хотя провела там всего несколько лет – ничто в сравнении с теперешней вечностью. Но после нашей встречи мой первый город перестал быть безликой, трудно ворочающейся массой зданий, памятников, машин, фонарей, ресторанов, людей. Город стал для меня местом и временем наших встреч. Каждая из них отпечаталась в мозгу словно живая, из многих встреч сложились маршруты, из маршрутов – традиции и обычаи. Теперь я знаю – в этом городе практически нет района, где мы не встречались друг с другом – не занимались любовью, не обнимались, не сидели в ресторане, не гуляли, не ссорились, не дрались, не расставались – в конце концов.

У Яндексa своя карта города, а у меня своя. Сегодня я мысленно путешествую по своей собственной карте моего города.

Начну с северо-запада, расположенного вокруг двух толстых набухших вен проспектов. Здесь – начало всего, здесь я впервые в жизни потеряла голову, стыд, совесть и пропала, на долгие годы попав в плен не только твоего, но и своего собственного чувства. Проезжая мимо безликих офисных зданий, я всегда дрожу, потому что вспоминаю легкий падающий снег, тут же тающий на горячем стекле машины, и запоздалое ощущение опасности – одна фраза, сказанная тобой – я знаю, что потом будет очень плохо.

Тогда я не думала, что это потом когда-либо наступит. Тогда я не думала, что это потом будет таким ужасным. Тогда я вообще не думала, потому что чувствовала – после многих лет сравнительно спокойной и организованной жизни я чувствовала, что внутри меня оживает нечто давно забытое и похороненное – выползает любовь, просыпается желание, ворочается ревность. Все это казалось мне далеким и более ненужным прошлым, пережитком молодости, привилегией неопытности и платой за невинность. Я была уверена, что это уже давно прошло, как детская заразная болезнь или первое неумелое похмелье. Но именно там, под тихим и теплым падающим снегом, я поняла, что ошиблась. Я только не сумела оценить чудовищные размеры этой ошибки. И всякий раз, когда на лицо падает снег, я снова слышу про потом, и осознаю, что потом – это уже сейчас.

Неподалеку от этого места есть небольшой, вечно грязный перекресток, где безостановочно ползут большие грузовики и подпрыгивают на рельсах замотанные легковушки. И это место ничем не примечательно, кроме одного момента – однажды ты вышел из машины, пока мы стояли в пробке, постучал в боковое стекло, я открыла, а ты вдруг поцеловал меня и тут же убежал, потому что поток стронулся с места, загудел возмущенно клаксонами. Я не успела ответить тебе тем же, но до смерти буду помнить широко раскрытые счастливые глаза и нежные мягкие губы. Это был один из первых поцелуев любви – не близости, не желания, не примирения, не ненависти – все эти поцелуи у нас еще впереди, и несть им числа. Это был один из немногих поцелуев любви – чистой, тихой и нежной, не связывающей и не обременяющей, не требующей и не осуждающей, простой, безыскусной, безусловной любви. Боюсь, что больше их не было...

Неприметный дворик там же, на северо-западе. Мы провели в нем долгие часы нашей совместной жизни. Когда-то я говорила тебе, что я больше, чем жена, и это безмерно раздражало тебя. Но посуди сам – последние годы мы прожили друг с другом гораздо больше времени, чем дома, если вычтешь ни к чему не обязывающий ночной сон-забытье, в котором каждый из нас все равно оставался одиноким. Так что я, как всегда, права – мы жили с тобой все это долгое время, пусть плохо и недружно, но жили, и это была очень насыщенная жизнь, выпадающая далеко не каждому, жизнь на грани любви и смерти, жизнь за гранью добра и лжи, жизнь вне законов общества и морали, жизнь на вынос, жизнь на слом. В этом самом дворе я задыхалась от боли и непонимания, от счастья и обиды, от стыда и отчаяния. В этом самом дворе, спустя 2 недели после начала задержки, я показывала тебе тест с отрицательным результатом. Еще не зная, почему ты требуешь предъявить вещественное доказательство, и в то же самое время, подозревая меня в беременности, обращаешься со мной нечеловечески грубо. Еще не понимая, что у тебя свое понимание ласки и заботы, а у меня свое, и они нигде не пересекаются, словно параллельные линии в евклидовой геометрии.

Много времени спустя ты признаешься мне, что в тот месяц протыкал презервативы иголками, потому и требовал от меня двух полосок. Ты думаешь, я обиделась на тебя за обман – ничего подобного. Я всегда жалела, что сама не сделала этого раньше, ожидая, пока бог из машины решит наши проблемы. Но бога нет, и однажды я взяла его функцию на себя. Оказалось, бог есть, и он все видит – нам с тобой так и не было суждено зачать ребенка – ни обманом, ни честным образом, ни вопреки, ни благодаря...

Хорошо, что это место перестроили – мне было бы больно знать, что оно еще существует, когда нас уже нет.

Однажды мы долго путешествовали по набережной реки на север города в поисках уединения. Стоял рабочий полдень, и везде были люди. Ты нервничал, я переживала, мы проехали почти до окраин, пока вдруг не увидели огромный пустырь и свалку, а рядом – красивое лесное озеро. Все это был город, и в то же время вокруг случайным образом не оказалось ни души, словно мы были Адам и Ева. Мы уже таяли в руках друг друга, как вдруг сзади послышался рев заводящегося мотора – это был экскаватор, приступающий к работе. Проезжая мимо нас, он замедлил ход – трудно было бы недооценить столь волнующее зрелище. И в этот момент я осознала, что вокруг не лесное озеро, и не уединенный уголок, а загаженный пожарный пруд и свалка, и это – метафора наших отношений, воочию представленная мне будто нарочно. То, что казалось таким святым и чистым, в глазах экскаваторщика было самой грязью, но вокруг нас любой понял бы именно экскаваторщика. Пришло время, и ты сам стал тем экскаваторщиком.

Изо всех городских дорог я больше всего не люблю новое кольцо и тот сектор, что связывает юго-восток и юго-запад города. Когда едешь по внутренней стороне кольца, по правую руку находится очень бодрое и зеленое в теплое время года кладбище. Я вижу его с противоположной стороны кольца и почему-то живо представляю себе по-американски жизнеутверждающие похороны – все в черном, играет музыка, люди печальны и прекрасны. Ужас только в одном – кладбище и та, могила, куда хоронят то ли меня, то ли кого-то из близких мне людей, расположено на пригорке, чуть выше кольца, и все проносящиеся мимо машины притормаживают, чтобы в красках и деталях насладиться оптимистической трагедией чужой смерти. Все мы, пришедшие скорбеть, словно стоим на арене цирка, а толпа ревом приветствует нас. Ave Caesar, morituri te salutant! И я, и мое горе, и мое платье, и даже отношения с покойным (пусть и неизвестно кем) – все напоказ. Но скорость кольца велика, и водители в машинах видят картинку смазанной, без особых оттенков и выражений, и у них нет времени, чтобы давать проис-

ходящему эстетическую оценку – они просто смакуют вид целиком и радуются тому, что они на своем месте, а мы – с покойником, разумеется, – на своем. Так и проходила наша жизнь – на виду у всех, кто нас окружал (или почти у всех, ибо всегда есть люди, для которых тайное становится явным в самую последнюю очередь). Мы рыдали, ругались, калечили друг друга, а наблюдающим со стороны это казалось прекрасным, богатым чувством, мы жили в застенках друг у друга, а со стороны это представлялось тихим раем, мы бились о скалы, а для проезжих туристов это было самое романтическое место... Конечно, нам говорили, что это опасно, но ни одна живая душа не предупредила нас, что война это не эстетично, что это грязно, что это страшно, что это заканчивается кровью, слезами и сепсисом, а потом, как водится, – ампутацией. И, как часто бывает на войне, внеплановую операцию делают без наркоза.

У меня есть несколько мест, чье приближение до сих пор заставляет мое сердце биться чаще. Не от счастья, поверь. Это страшные места, это даже не кладбища, это концлагеря, в которых я была заключенной. Надо заметить, добровольной заключенной. Дальний юго-восток города, пустынные диковатые улицы, странные дороги, неизвестно почему сохранившиеся лесопарки, возникающие из ниоткуда стражи порядка, не раз ловившие нас посреди самого сокровенного, – такова моя личная территория концлагеря, где в любой момент могло произойти все, что угодно. Ты мог часами разговаривать со мной сквозь зубы, после чего я в отчаянии абсолютно голой выскакивала на дорогу и бежала сквозь страшный ночной лес по колючему снегу. Ты мог самозабвенно ругаться со мной, я шла пешком по пустынному шоссе, ты догонял меня, все начиналось сначала и заканчивалось безобразной сценой полудраки, после чего я в беспамятстве летела обратно по мокрому и скользкому асфальту кольца, тайно желая, чтобы слезы застлали мне глаза настолько, чтобы я однажды улетела прямо в небо. Я звонила тебе с дороги, я рыдала в трубку от невыносимой боли – боли непонимания, самой страшной и неизбывной боли, которая только может быть, ведь в отличие от боли неразделенной любви эта боль не проходит никогда и с каждым разом поднимается на все новые и новые высоты.

Другое такое место лежит за границами города и по площади равно какой-нибудь маленькой европейской стране. Но для меня это та же зона, какой она была для stalkера в фильме Тарковского или романе братьев Стругацких. Прекрасное своей неухоженностью, заброшенностью, неприкаянностью и непредсказуемостью место, где ты обречен ходить кругами, каждую минуту опасаясь подвоха – взрыва, выстрела в спину, незваного гостя, липкого прикосновения смертельной паутины и откуда не можешь выйти по своей воле, пока не исполнишь то, ради чего появился здесь. Неприветливые леса, вечно раскисшие от дождей поля, грязные дороги, серые люди, все кажется мне теперь нереальным, а ведь именно здесь я, нет, мы прожили последние несколько лет. И каждая точка на карте, даже поставленная случайно, означает в нашем случае какой-то день, какое-то место, какое-то событие. Не могу вспомнить ничего, чтобы вызвало у меня смех или хотя бы улыбку – словно вся эта огромная территория – зона моей скорби. Помню только ссоры, обиды, боль, сожаления и слезы, как будто все это время я блуждала если не по аду, то уж точно по чистилищу.

Еще одно точное слово вырвалось у меня опять-таки не случайно. Это место было моим личным чистилищем, но кто приговорил меня или точнее нас к нему, кто выбрал эту мрачную серую дорогу, по которой мы неслись в разные концы города и обратно, кто назначил нам это место вечной ссылки? Ведь мы могли купаться под горячим южным солнцем, любить друг друга на чистом альпийском снегу, греться у пламени камина, плакать над пьесами Шекспира, замирать от восторга при звуках музыки, но всего этого мы были лишены – и по чьей же доброй или злой воле? Может быть, всевидящий бог наказал нас так жестоко за то, что мы жили во лжи и обмане, крали чужое счастье и калечили своих близких? Да нет же, это ты приговорил

нас к бессрочной каторге-чистилищу, рассудив так – раз мы не можем достичь идеала, значит, мы обязаны быть наказаны и должны страдать, пока не покаемся и не сделаем так, как надо. Ты сам выбрал такой путь для себя, мне ничего не пришлось выбирать – я была изгнана из рая тобой и вместе с тобой по твоей же воле. Ты посчитал, что именно по моей вине мы не можем быть вместе, поэтому присудил мне жизнь, полную страданий и лишений – суровые, неласковые встречи, холод и неудобство, болезни и ссоры, а в промежутках между ними – крохотные прогалы счастья и абсолютного растворения друг в друге.

Ты был суров – ты сделал все, чтобы я каждую секунду ощущала себя виноватой, ты постоянно говорил мне об этом, напоминал, настаивал, упрекал, словом, поступал так, как вела себя мать из одной английской сказки, прочтенной мной в детстве. У нее было двое прекрасных детей, сама же она была красавицей, по воле злого колдуна превращенной в уродливую горбунью, которой колдун наказал жестоко обращаться с детьми, иначе они умрут. И несчастная мать пинала, и била, и ругала детей почему зря, но они узнали страшный секрет и убили чародея, поднявшись на вершину холма, а когда спустились вниз, то не узнали свою мать – их встретила добрая, прекрасная женщина, с глазами, полными слез. Она попросила у детей прощения за все зло, которое причинила им, будучи злой горбуньей, и дети простили ее и жили бы долго и счастливо, но мать раньше времени сошла в могилу, видимо, не в силах пережить своего прошлого. Я часто рассказывала тебе эту сказку, ты молчал, я же в глубине души надеялась, что твоя жестокость и бессердечие ко мне – те же страшные чары, наложенные самим тобой. Но стоит чарам спастись, как ты все поймешь, и я увижу прекрасного и доброго человека, застенчиво поцеловавшего меня на переезде. Но время шло, а чары, наложенные тобой, становились все изощреннее, проникали в твою душу, и я уже не смогла бы отличить, где ты, а где – злая воля колдуна. Вы стали одним целым, и я поняла, что ты так и будешь бить и пинать меня, несмотря на свою любовь ко мне, а я больше не смогу верить в то, что это чувство и вправду существует.

Зона – это не только место, но и время. У меня иногда складывалось впечатление, что вся наша жизнь проходила ночью – в темное, серое, унылое время суток – либо ранние утренние часы, либо поздние вечера, вот и все, что у нас было. И время было под стать месту – такое же бесцветное, безликое, как будто сама природа ставила перед нами фильм в сепии, лишая нас красок и цветов, высасывая из нас остатки жизни. Мы словно вращались по кругу диаметром несколько сот километров в безрадостном электрическом освещении, в то время, как стоило нам слезть с карусели, и мы бы увидели совершенно иной мир. Но мы каждый день, словно заключенные на работу, ходили на одни и те же черно-белые сломанные аттракционы с выжившим из ума зрителем, который вновь и вновь запускал карусель, и мы кружились, кружились, кружились...

Почему никто из нас не покинул зону добровольно, не прервал безрадостный путь по кругам чистилища, неужели чувство, которое мы испытывали друг к другу, а потом и его отрывка – привычка, было для нас сильнее инстинкта самосохранения, ужаснее страха потерять близких, мучительнее боли и унижения, страшнее отчаяния одиночества? Или это было сродни наркотическому опьянению мозга, когда краткий миг удовольствия или даже иллюзорная надежда его достичь заставляет больного преодолевать мучительный и опасный трип?

Наша последняя встреча произошла в этой же самой зоне, где мы бесчисленное количество раз ссорились и мирились, били друга под дых и обнимали до хруста костей, тонули в грязи обвинений и признавались в вечной и чистой любви, кричали и молчали, умирали и возрождались. Но тот раз был самым зрителем-богом предназначен стать последним.

За полгода до этого момента я написала пророческие стихи, еще не зная, что они станут последними в своем ряду:

Я предложила все начать сначала,
Я предложила прошлое забыть.
Ты на меня кричал, а я молчала,
Не в силах больше за двоих любить.

Я предложила все начать сначала,
Я предложила – с чистого листа.
Ты упрекал, а я опять молчала,
Не в силах осознать, что – пустота.

Я предложила все начать сначала,
Я предложила просто, чтоб начать.
Но ты молчал, и я теперь молчала.
У нас так много времени молчать.

Так однажды заканчивается любое место и любое время, и с этим концом для меня умерло еще много других мест – набережные реки, прямые и длинные шоссе, заброшенные церкви, лесные тропки, придорожные забегаловки, словом, целый мир, совершенно не связанный с тем местом и временем, в котором я обитаю сейчас. Это словно параллельная реальность, и она была ею все эти годы, и ты, и мы оба – тоже были ею. Сейчас, минуя эти места, я думаю о них как о том, втором Городе, который и был и не был в моей жизни. Придет время, и я точно так же буду думать о тебе – о том, как ты и был, и не был. Но пока это время еще не пришло, и вторая реальность мучительно вторгается в меня всякий раз, возникая за стеклом автомобиля, и я понимаю, что ни город, ни время для меня еще не закончились. А жаль.

Письмо 3. Вина и беда

Я сделала свой выбор – однажды и навсегда, как я тогда думала, в радости и в горести, в болезни и в здравии, но навсегда. Я вышла замуж и родила ребенка, чтобы он был счастлив со мной и со своим отцом. Моя вина лишь в том, что я никогда не любила так, как любила тебя, но это же и моя беда. Я испытывала нежность, благодарность, временами влечение, потом дружбу, но никогда – страстную, тяжелую, ослепляющую разум и завораживающую тело – любовь. Даже теперь, когда нас нет, когда я, подобно лису Домино из рассказа американского натуралиста, отгрызла себе ногу, попавшую в капкан, иначе говоря, ампутировала живое, трепещущее тело любви ради того, чтобы остаться в уме и целостности, так вот, даже теперь, эта любовь еще не умерла. Любовь тела еще живет в моих клетках, тогда как любовь души уже примирилась с потерей. Как говорят медики, есть органы, потеря которых не означает смерть, и они с легкостью советуют удалить то, что болит и угрожает заражением. Я долго не прислушивалась к этим советам, более того, считала, что это грех – уничтожить божий дар любви, чувство, соединяющее двух людей в единое целое, пусть и такое непростое, не прямое, как наше, но все равно – непостижимое, неповторимое, светлое и потому – святое. Ты считал иначе, ты видел не божий дар, а мою вину.

Но начнем по порядку. Мы были взрослыми людьми, несущими ответственность за свои поступки, но мы были и неразумными детьми, романтическими влюбленными, пастухом и пастушкой, одними на всем белом свете. И стоило нам разомкнуть объятия, как в права вступал окружающий мир, и он не был нежен с нами. Он напоминал нам о том, что мы не свободны, что рядом с нами есть люди, слепо доверяющие нам и всецело зависящие от нас, что у нас есть дети, а у них – родители, и так до бесконечности тянулась цепь привязанностей и обязанностей, словно гири, висящие на ногах. Но именно благодаря им мы оба прочно стояли на земле, во всяком случае, нам так казалось. Я понимала это всегда, осознавала это всякую минуту нашего существования и потому всегда говорила тебе, что мой жизненный выбор сделан. Сделан не в пользу лучшего или сильнейшего или богатейшего – сделан в пользу того, кто является лучшим отцом своему собственному ребенку. И это была та черта, которую я так и не смогла переступить. И это стала та черта, за которой я превратилась из любимой женщины в эгоистичное чудовище, из нежной возлюбленной – в расчетливую самку, из святой на пьедестале – в похотливую суку и шлюху. Словно в один момент в глаза тебе попал кусочек зеркала тролля из сказки про Снежную королеву, и ты все увидел в совершенно ином свете. Я стала вместилищем греха, виновницей всех наших несчастий и лишений, потому что выбрала не тебя. И напрасно я объясняла тебе, что выбор мой был сделан задолго до твоего появления в моей жизни, когда впервые зародилась во мне крохотная новая жизнь, пришедшая к нам издалека, все напрасно. Для тебя, в кривом зеркале, все было не так – была расчетливая, эгоистичная человеческая дрянь, упрямо желающая усидеть на двух стульях, ласковое и мерзкое теля, сосущее изо всех видимых вокруг маток, умелый и беспринципный манипулятор на чужой любви, дешевая бессердечная актрисуля, играющая спектакль любви и страсти дома и не дома, похотливая и лживая сучонка, ложащаяся под всех и каждого, одним словом, монстр, чудовищная женщина-вамп, уничтожающая, подобно саранче, все на своем пути. И лишь когда слезы боли и отчаяния застилали твои глаза, кусочек ледяного зеркала в глазу таял, и ты видел мир и меня таким, каким он был на самом деле. И тогда моя вина оборачивалась тем, чем она была изначально, – моей бедой. Я была глубоко несчастна – в том, что любила одного человека, а жила с другим, хотела ребенка от любимого, но не могла осиротить рожденного от нелюбимого, жила во лжи, а мечтала быть верной и чистой, обманывала невиновных и крапа у обездоленных, но

прежде всего – уничтожала сама себя, по капельке, по крупинке теряя то, чем я была до нашей встречи. День за днем я теряла дар слова, дар памяти, дар спокойствия, дар разума, превращаясь в то, в чем ты меня обвинял – в загнанную в угол озлобившуюся, отчаявшуюся крысу, готовую вцепиться без всякого предупреждения в любую протянутую руку. Со временем так и происходило – стоило тебе даже обратиться ко мне с ласковым словом, как я измученной спиной чувала в нем подвох, злой и недобрый, и тут же кусала в ответ. Послушай притчу, недавно пришедшую мне на ум.

Однажды огрубевшему сердцем страннику, обошедшему полмира, встретила на дороге девочка, полюбившая его всем сердцем. И странник впервые в жизни принял ее всей душой, и первое время они были несказанно счастливы. Однако страннику, привыкшему брать от жизни и от дороги все, было мало любви, он хотел большего – оторвать девочку от дома, от теплого очага, от семьи, он хотел ее всю, без ее прошлого, настоящего и будущего, без ее близких и родных, друзей и привычек, он хотел стать ей всем в одном лице – и матерью, и отцом, и ребенком и мужем. Но девочка колебалась, и тогда странник обвинил ее в том, что она недостаточно любит его. Он хотел увезти ее в далекий неласковый край, на границу с чуждыми племенами, он хотел ходить на тот берег и торговать запрещенным товаром, и он хотел, чтобы она ждала его каждый день дома, качая его дочь в колыбели. Девочка без памяти любила странника, но не могла покинуть отчий дом и родную деревню. Не могла она и расстаться с тем, кого любила. И тогда странник остался с ней, потому что и сам любил ее всем сердцем, но каждый день обвинял ее в том, чего она не сделала ради него, и она ползала в пыли у его ног, вымаливая прощение. В хижине, где они жили, он не сделал очага и не постлал постели, поэтому она изнывала от холода и неудобства. Он не приносил в дом еду и не одевал ее, и она мучилась от голода, унижения и побоев. Однако она любила его и терпела все, что он считал нужным. Каждый день девочка просыпалась с мыслью о том, что сегодня она соберет вещи и скажет страннику, что готова идти за ним на край света и даже дальше, но каждый день она оставалась и покорно терпела обвинения и издевательства, и ждала наступления ночи, когда странник терял разум и доверялся чувствам, и тогда они любили друг друга, чтобы утром начать с новых обвинений и ругательств. И так продолжалось много лет, девочка превратилась в сварливую, угрюмую женщину, и было пусто и неуютно в их доме, где не слышался детский смех, потому что странник не хотел заводить детей, пока они жили в деревне, а не там, где им, по его мнению, следовало бы находиться. Много раз они расходились, а потом сходились снова, чтобы сцепиться в смертельной драке, и когда-нибудь убили бы друг друга, пока однажды девочка не взглянула в речную воду и не увидела себя – обрюзгшую, с презрительными складками вокруг рта, с бугристыми руками, с перекошенной поясницей, с усохшими пустыми грудями, изношенную старуху, и тогда она поняла, что случилось с ними и их любовью, и кинулась в воду реки, чтобы покончить смертью с тем, с чем не смогла покончить своей жизнью... я думаю, ты меня понял.

Когда-то ты сказал мне – я буду всем тем, в чем ты меня обвиняешь. Нет, это не совсем так. Ни ты, ни я не превратились в тех чудовищ, которыми представлялись в глазах друг друга, но какая-то часть чужой маски приросла к нашим лицам. Мы изменились, мы не приняли вину на себя, но стали жить так, словно были виноваты. Сейчас я пишу о себе, но подозреваю, что и тебе знакомо это чувство превращения – из нежного, любящего существа в холодное, получающее удовольствие от чужих страданий насекомое. Чем страшнее и обильнее были обвинения, тем ниже опускалась моя голова, тем больше сгибалась моя спина, тем суше и мертвее становились мои внутренности, я чувствовала себя бесконечно виноватой, проклятой, недостойной, бесплодной, наконец. И самое ужасное, я ей и стала. Мне даже страшно подумать, во что же превратился ты....

Любая вина ведет к смерти, если она не ведет к покаянию. Ты обвинял меня в том, в чем я не считала нужным каяться, и я сначала молчала, потом огрызалась, потом стала обвинять в ответ, и ты был так же далек от покаяния, как прокурор от оправдательного приговора. И это стало моей дорогой к самоуничтожению. Будь я даже вполнину тем, что слышала от тебя, я уже была бы достойна смерти, что уже говорить о всей моей жизни. Да, я не признавала себя грешницей, но в душе сознавала, что виновна во всем остальном – во лжи, в обмане, в двоемужестве, в дурных мыслях и плохих словах, во многом том, что ты справедливо считал не вполне достойным твоего идеала.

Опять прозвучало нужное и далеко не случайное слово – идеал. Ты искал в отношениях идеальную женщину, женщину, возведенную на пьедестал, вознесенную на немислимую высоту. Найдя ее, ты бы пал ниц и молился на нее, говорил ты, с сожалением замечая во мне каждый день все новые и новые изъяны, отдаляющие меня от идеала. Ты был готов ждать ее вечно, но когда понял, что ее не существует в природе, решил, что есть возможность подогнать меня под нее, как костюм по росту. Тебе казалось, что я с радостью возлягу на прокрустово ложе твоих требований и позволю и удлинить, и укоротить себя так, как тебе надо. Ведь я, по твоему мнению, не могла не ощущать, как мало я похожа на истинную женщину, достойную тебя и наших отношений.

Но в том-то и заключалась моя вина или, с моей точки зрения, моя беда, что я ничуть не хотела соответствовать какому-то ходульному идеалу, взятому из книг о чести и нравственности. Я всегда была живой, пульсирующей от эмоций, страстей и жизненной силы женщиной, из самой натуральной плоти и не менее реальной крови, и я не желала превращаться в нечто, глубоко противное всей моей натуре и жизни. В начале наших отношений я надеялась все это преодолеть, полагая, что живая и настоящая женщина в объятиях лучше, чем выдуманная – в голове. Но однажды ты мне сказал: для того, чтобы любить тебя, ты мне не нужна. Тогда я вряд ли бы поняла, как глубоки наши противоречия, но сегодня они настолько очевидны, что не может быть и речи о прощении или о примирении. Ты можешь любить призрак, химеру, холодный и пустой идеал, далекий от жизни образ, и тогда, обнимая и лаская мое тело, ты живешь не со мной, и тебе все равно, холодно мне или больно, грустно или невыносимо, и тебе нет нужды заботиться обо мне, потому что на самом деле я для тебя не существую в этом мире. Но когда я реальная, из плоти и крови, вдруг кричу от боли, гнева или тоски, ты приходишь в себя и обнаруживаешь, что рядом с тобой кто-то другой, человек из мяса и нервов, и он чего-то требует и ждет, потому что живет рядом с тобой, живет тобой, живет в тебе. И в тебе поднимается глухая, неукротимая волна раздражения оттого, что я – иная, не идеальная, не правильная, не праведная, не достойная. И ты бьешь меня наотмашь – потому что считаешь, что это моя вина.

А я просто другая. Я не ищу идеального мужчину, у меня в голове живут свои химеры. Я жажду идеальных отношений, любви из сказки, любви вечной и бесконечной, какая мечтается каждой женщине от 9 до 99, и я обвиняю тебя в том, что в поисках идеала ты забыл о том человеке, который словно костер, горел рядом и согревал тебя в зимнюю стужу. Я обвиняю тебя в том, что ты предал великий и единственно ценный на земле дар – дар настоящей любви, разменял его на педантичное чувство к манекену, на исполнение долга в семье и на обязательство чести. Я обвиняю тебя в том, что ты пренебрег драгоценной возможностью – воплотиться друг в друге, пусть и тайным образом, и оставить после себя хоть что-нибудь, кроме пепла и праха сегодняшней ядерной зимы. Я обвиняю тебя в том, что медленно и верно казнил меня и себя за то, что ни мы, ни наши отношения не желали отвечать твоим прекрасным идеалам. Я обвиняю, обвиняю, обвиняю, и так до бесконечности. И ты обвиняешь, и мы оба обвиняем.

А может, все дело в том, что мы просто хотим, нет, требуем, чтобы нас любили. Нас, не доласканных родителями, нас, не долюбленных в юности, нас, обремененных долгом и обстоятельствами, нас, жестоких и разумных. Любили, как должны и могут любить только родители – слепо, безумно, без страха и упрека, без сомнений и претензий, жертвуя собой и не требуя награды, безнадежно, нелепо, с первого толчка и на всю жизнь, и даже после смерти. Но такая любовь дается человеку один раз и уходит вместе с последним родительским вздохом, и тогда понимаешь, что ты больше никогда не будешь ребенком.

Мы с тобой не прожили свое детство, как надо, и требовали друг от друга невозможного: я видела в тебе строгого, но справедливого, заботливого отца, ты – нежную, не рассуждающую в силе своей любви мать. Можно и их обвинить в том, что мы были несчастны в детстве, обречены в молодости, прокляты в зрелости и наверняка будем мертвы к старости, но это уже никого не спасет. Вместо того, чтобы любить себя сегодняшних, мы требовали друг от друга уплаты по долгам прошлого, причем, уплаты сторицей. Если уж подчинения, то полного, если уж заботы – то до хруста ребер, если уж любви, то до самопожертвования.

Не удивительно, что ни наши тела, ни души не вынесли такого напряжения и просто лопнули, как туго натянутые струны. Порванные с мясом, они возвратили нас обратно, на землю, потому что звуки музыки, звучавшей все это время, умерли вместе с разъятым металлом. И пришла тишина, в которой все стало на свое законное место – когда никто не виноват, потому что никого больше нет.

Как тяжело мне без тебя,
Как тяжело, что я с тобою.
Как тяжело, что я любя,
Живу сама себе рабою.

Как тяжело, что я не ты,
Как тяжело, что я другая.
Как тяжело средь немоты
Не понимать, слова теряя.

Как тяжело, что я живу,
Как тяжело, что я скучаю.
Как тяжело, что наяву
Тобой дышу, тобой мечтаю.

Как тяжело, что я пишу,
Как тяжело, что я рыдаю.
Как тяжело, что вновь дышу
Когда тебя опять теряю.

Как тяжело, что я – вина,
Как тяжело, что я – тревога.
Как тяжело, что не одна,
И все, что есть – по воле бога.

Письмо 4. Любовь и пустота

Тоскливо без ревности, боли и муки,
И незачем резать усталые руки.
И дважды тоскливо узнать на рассвете,
Как плачут твои нерожденные дети.
Но трижды тоскливо, взмахнувши крылами,
Скорей погасить за спиною их пламя.

Сейчас, когда я пишу эти письма самой себе, я хорошо знаю, что любовь ничем не отличается от прочих наркотических ослеплений – когда ее нет, наступает пустота – страшная, бесчеловечная, ломка, своеобразный абстинентный синдром, боль отвыкания, понять которую может только тот, кто хотя бы раз ее испытал. До этого момента я даже не представляла, что так бывает, потому что, подобно многим, полагала, что человек до некоторой степени (почти что на 100%, ха-ха) может владеть своими чувствами, управлять собственными эмоциями, обуздывать возникающие в нем мысли и желания. Возможно, я встретила тебя именно затем, что таким жестоким образом избавиться от иллюзий и понять, что есть вещи, запредельные для человеческого разума, недоступные воле и не постигаемые знанием. Думаю, мы оба получили хороший урок, равно как и те люди, которые жили рядом с нами и оказывались тем или иным образом вовлеченными в наши отношения. Несколько раз безобразные сцены разыгрывались между нами прямо посреди чужих людей, которые вольно или невольно становились свидетелями или почти что участниками кинематографически выверенных эпизодов. И надо сказать, что никто из них не выказал ни малейшего удивления или подозрения в том, что мы «играем на публику». Скорее всего, эти люди либо сами испытывали подобные приступы гнева, ярости и боли, либо самым серьезным образом пытались извлекать уроки из чужого горького опыта. Со стыдом вспоминаю, как зимой, в лютый холод, я лежала посреди дороги в легкой пуховой курточке, прямо под колесами твоего автомобиля, лежала, потому что считала (и до сих пор считаю), что ты не понимаешь иного языка, кроме языка насилия, принуждения, подавления, потом помню, как рядом с нами остановилась машина, водитель с сочувствием выяснил, что женщине, то есть мне, не «плохо с сердцем», просто происходит обычное, рядовое выяснение отношений, после чего мужчины поговорили, и тот, кто проезжал мимо, продолжил свой путь, а тот, кто остался, начал с того момента, где закончилось объяснение. Это была обычная, всем вокруг понятная чужая жизнь, никто не всплеснул руками, и даже полицейский, на глазах у которого в самом центре города ты ударил меня плашмя по голове, ничего не сказал, а просто сел в машину, словно ничего не произошло. И это тоже была любовь, как я теперь понимаю. Обычное, иррациональное, буйное чувство, торжество подсознательного над рациональным, стихии над планом, темного женского начала над светлым мужским.

Тогда она мало-помалу становилась мне в тягость, такая тяжелая, беспросветная, кажущаяся бесконечной зависимость от другого человека, ибо, что есть любовь в терминах власти, как не подчинение собственной воли воле другого человека, даже если это происходит во вред, даже если – через силу, даже если – во зло обоим злополучным влюбленным.

Нет, слово «влюбленные» к нам совсем не подходило, слишком оно было легковесно и бессмысленно, словно жизнь бабочки-однодневки. Мы были связаны одной цепью, мы влачили кандалы собственного чувства, мы отбывали бессрочную каторгу, и приговор казался нам вечностью, сколько бы попыток побега ни было совершено. Каждый из нас нес свою тюрьму внутри себя, и эта тюрьма была – наше собственное чувство друг к другу, необъяснимое логикой,

непостижимое разумом, абсурдное по сути и преступное по форме, а затем, как выяснилось, еще и бесплодное по содержанию. Чем дольше мы оставались рядом, чем больше попыток мы делали обрести свободу, тем с большей силой пружина тащила нас обратно. Мы раскачивали лодку все сильнее, но ровно с такой же возрастающей силой она стремилась к прежнему положению, как бы абсурдно это ни было. В начале наши отношения представлялись мне легкими и светлыми, но чем больше мы узнавали и познавали друг друга, тем темнее становился наш совместный портрет Дориана Грея, невидимый никому, кроме нас. Завешенный грязной тряпкой, он висел наверху, в пыльной мансарде, и каждый злой поступок, каждое ругательство, каждый удар превращал наши лица в маски чудовищ, но никто, кроме нас самих, не смог бы увидеть портрета, а мы не желали подниматься наверх... Ведь со стороны мы были прекрасными, гармоничными людьми, любящими родственниками и родителями, верными друзьями, хорошими работниками, но стоило нам оказаться наедине, как личины спадали, и мы становились Зверем – воплощением зла, отраженного в резких чертах портрета. У меня возникало чувство, что мы были созданы для того, чтоб разбудить в себе зверя, увидеть его страшный лик, содрогнуться и навсегда отвернуться от воплощения зла. Когда бы были рядом, вселенная словно смыкалась вокруг нас, ничего вокруг не существовало, кроме огромного, страшного, любимого лица рядом, и чувства кипели сквозь кожу, как кислота. В это время мы жили в ином мире и в ином времени – часы пролетали, как минуты, молчали телефоны, отступали дела, словно жизнь замирала и давала нам возможность как можно больше причинить друг другу боли, приправленной редкими секундами абсолютного счастья.

Теперь я понимаю, что все это время мы не существовали, мы как будто выпадали из этой жизни в особую, созданную нами для нас же реальность, а по возвращении все возобновлялось с того момента, как мы покинули это место и это время. Однако теперь, когда того, особого, страшного мира нашей любви больше нет, я с ужасом осознаю, что здесь нас никто не ждал. Эта, реальная жизнь, неумолимо шла вперед, оставляя позади все то, чего мы тогда не увидели, не испытали, не заметили, не осознали... Именно поэтому теперь я страдаю от пустоты. Моя пустота не только в настоящем – она в прошлом, в которое я то и дело пытаюсь заглянуть и не вижу в этой темноте ничего, кроме страданий, боли, обоюдного зла и унижения. Возможно, ты мучаешься от той же болезни. Мы потеряли не только настоящее и будущее, но и прошлое. Проживая его в то время, я была уверена, что даже после того, как все закончится, а в том, что все закончится когда-нибудь, я не сомневалась ни минуты, так вот, я была свято уверена, что буду вспоминать тебя и нас с теплым, горьковатым привкусом грусти, но я ошиблась. Вкус, который приходит мне на ум, отвратителен, от него дерет горло и сжимается желудок. Это не грусть, это тоска и безумие, это не выцветшие воспоминания, а яркая, беспощадная картина, словно происходящая наяву. И с каждым днем она становится все более и более навязчивой, как будто настигает меня оттуда, из того времени, которое прошло, так и не превратившись в настоящее прошлое. Таковым оно становится лишь сейчас, когда я заново его проживаю, извлекая из небытия стежок за стежком, петлю за петлей...

Кто-то должен был наконец подняться в мансарду, откинуть пыльную тряпку с холста и взглядеться в уродливые черты. К сожалению, тот, кто это сделал, так и не рискнул бросить взгляд в лицо, изображенное на картине. Он молча швырнул портрет на землю, и тот раскололся на тысячи кусков, и каждый из нас стал друг для друга тем, кем мы уже давно были на картине, но мы не смогли заставить себя взглянуть правде в лицо. Поэтому теперь мы обречены видеть только уродства другого, но не свои собственные, и от этого они кажутся нам еще ужаснее. Думаю, мы должны были бы совершить это вместе, твердой любящей рукой, но этого не произошло, и ненависть, исказившая лицо портрета, живет теперь в нас, как бы мы

ни пытались оправдать ее существование как временной жилички – пока не сможем простить друг друга по-настоящему.

Думаю, этого никогда не произойдет со мной, хотя бы потому, что для того, чтобы простить, надо хотя бы вполнину перестать страдать от осознания безвозвратности прошлого, которого у меня больше нет. Найди я там, в этих темных годах, хотя бы одну секунду, ради которой стоило твердой рукой вырезать из отмеренного не нами человеческого века годы жизни, я бы смогла простить тебя и оправдать себя. Но нет, там за спиной, сегодня мне видится одна пустота и страдание, пусть и полное любовью.

Конечно же, я неправа, когда вижу в прошлом только плохое. Пока оно еще не стало таковым, я жила и радовалась в нем, потому что тогда у меня не было иного настоящего и уж тем более будущего. Живя с тобой и ради тебя все эти годы, я не знала, есть ли у меня и у нас какое-то будущее, но ясно понимала, что каждая наша минута может быть последней, поэтому и вцеплялась в нее зубами и когтями, и рвала, рвала, рвала на себя. Но разве ты не поступал иначе, находясь на мне, как на войне, ожидая каждую секунду подвоха, фонтанчика песка под ногами, предвещающего взлет мины, легкого дуновения ветра, обещающего бурю? Мы построили свою хижину на вулкане, каждый день проходя мимо пылающего жерла. Мы жарили на горячих камнях яичницу, мы обогревались подземным паром, мы мылись в серном источнике, но все это до тех пор, пока однажды из кратера не поднялось огромное непрозрачное серое облако, не вырвался фонтан пламени, и нас в мгновение ока залила горящая огненная река. И поделом, сказали на это обыватели, жившие в городе далеко на побережье, вы знали, чем рискуете.

И это тоже так, мы знали, что поставили на карту в тот день, когда впервые стали мужчиной и женщиной друг для друга. Вернее сказать, мы думали, что знали, мы даже предвидели такие последствия, которые не состоялись, мы были готовы ко всему, кроме того, что произошло на самом деле. А случилось то, что нашу жизнь поглотила пустота. Пустота, подменившая прошлое, пустота тоскливого настоящего и пустота беспросветного будущего. Сегодня, когда нет ни нас, ни того, что нас связывало, ни даже воспоминаний, я живу пустотой внутри себя и снаружи, пустотой, которую ничто и никто не может заполнить. Я чувствую себя высосанной досуха губкой, засушенной веточкой гербария, мертвеющим побегом, и это зрелище с каждым днем перестает меня занимать. Я говорю о жизни, если вы еще не поняли, я чувствую, как она капля за каплей покидает меня сама, и я не хочу ее сохранять.

Это правда, я хочу умереть. Не в прямом смысле этого слова, с физическими страданиями и грязью, нет, к этому я еще не готова. Я готова угаснуть морально, как человек, как женщина, готова прекратить жизнь сознания, лишь бы не видеть за собой, вокруг себя и впереди себя ужасную бездну пустоты. Пока что я еще задаю себе вопрос – а можно ли ее чем-то заполнить? Можно ли изменить прошлое, вернуть в него радость жизни, счастье любви, смех близких, не рожденных нами детей, можно ли оправдать настоящее, придать ему смысл, вдохнуть жажду жизни, можно ли представить себе будущее, научиться быть ему благодарным? Не знаю, не знаю ...

Кто виноват или что виновато,
Я ли судьбу проглядела когда-то...
Я неспокойна, и я не добра.
Жить мне не хочется больше с утра.

Письмо 5. Красота и грязь

Сегодня я, как никогда, ощущаю себя непорочной, словно выпущенной из чистилища, где меня добела растерли вулканическим песком, прокалили адским пламенем и для верности содрали кожу. Именно такой я вышла в этот мир после того, как ты ушел из моей жизни. Странное чувство, не правда ли, особенно, если вспомнить, что ты все эти годы воспринимал меня, мое прошлое, мое окружение как нечто грязное и недостойное. Что же, признать тебя правым? Ведь писала же я раньше стихи, подобные этим, ведь видела же, сколько грязи налипло на каблуки, пока я шлепала по болоту?

Странное чувство, потому что, встретив тебя, я обрела уверенность в том, что в моей жизни больше никогда не будет грязи, боли, страданий, разлуки. Вдвойне странное, потому что именно ты показал мне, как они выглядят по-настоящему, и это были не легкие почти что бесплотные и безобидные призраки юного воображения, а ужасные химеры с тяжелыми лапами и кривыми челюстями.

Странно, что наши отношения имели своим стержнем не красоту, а нечто иное, явно противоположное красоте, ибо красота рассматривалась как внешнее, греховное, недостойное высоких чувств, преходящее и несущественное. Красота была соблазн, потому всякая моя попытка выглядеть красиво для тебя воспринималась тобой как тайное желание совратить, выставить на всеобщий обзор и продажу что-то очень личное, принадлежащее двоим. Излишне говорить, что я, мое тело, моя женская красота принадлежали тебе, да я и не имела ничего против этого, но ты смотрел шире и глубже и видел в инстинктивном женском желании нравиться всему миру тайное желание этот мир соблазнить. Красота женщины, по твоему мнению, должна принадлежать только ее мужчине, и в этом ты недалеко ушел от идеи гарема и глухой паранджи. Всякая обнаженная часть женщины, видимая глазу чужого мужчины, всякая соблазнительная округлость, легко угадываемая воображением под одеждой, потенциально означает соблазн, угрозу, измену, а значит, грязь.

А я считала иначе, по-женски наивно полагая, что женская красота – это награда мужчины, это отрада его глаз, это знаки отличия на его мундире, это подтверждение его мужской силы и славы. Я думала, что красота скорее спасет мир, чем погубит его, и потому наряжалась, красилась, ухаживала за своим телом, старательно заботясь об этом трогательном домике для души. Мне хотелось, чтобы ты приходил в него с любовью и радостью, чтобы его уют и убранство доставляли тебе удовлетворение, чтобы аромат цветов пьянил тебя, а мягкие подушки обещали наслаждение.

Но я и здесь ошибалась. То, что я была красива, доставляло тебе неисчислимые беспокойства. Все во мне будило подозрения – духи, откровенное нижнее белье, обтягивающая одежда, даже косметика – все это причиняло тебе боль, потому что означало на твоём языке то, что я опять делала попытку принадлежать не только тебе. Ведь по сути это было проявление жуткой ревности – никто не имел права видеть меня красивой, соблазнительной, откровенной, кроме тебя. Да, с тобой я могла быть именно такой – распутной, порочной, открытой, ласковой, беспечной, но, покидая тебя, я должна была становиться чуть ли не монашкой в миру. Всякое отступление от этого правила приводило к тяжелым последствиям, потому что стоило красоте появиться на людях, как она тут же становилось продажной, а значит, превращалась в грязь, но об этом попозже.

Я любила тебя так сильно, что переродилась, даже не заметив этого. Конечно, эти изменения происходили постепенно. Сначала я перестала быть красивой, потому что это было тебе не нужно, ты был готов любить меня всякой. Более того, чем чаще и чем ожесточенней мы ссорились, тем нежнее и чувственнее занимались любовью после примирения, и нам было абсолютно наплевать на то, были ли мы красивы или уродливы. Нанеси мы себе увечья в пылу ссор, мы бы любили друг друга еще сильнее, что нам было до таких мелочей, как одежда или цвет лица?

Потеряв сначала красоту, я продолжала стремительно избавляться от всего, что было тебе не нужно, и очень скоро я перестала быть женщиной, как бы парадоксально это ни звучало. Ведь в наших с тобой отношениях мы были кем-то еще – ты был строгим отцом, я – ласковой, не рассуждающей матерью, а последней не надо быть красавицей, чтобы сын любил ее без памяти. Мать – существо бесполое, оно скорее означает уютный, спокойный мир вокруг, а женщина – это воронка, засасывающая в себя все, что оказывается рядом. Тебе такая женщина была не нужна, поэтому ты твердой рукой взялся искоренять во мне темное, иньское, женское начало. Я утратила право на легкое кокетство, на беспечную непредсказуемость, на прозрачные летние платья, на вечеринки с подругами, на свободу тренированного тела, на грудной смех, словом, на все, что в моем понимании означало быть и чувствовать себя женщиной – красивой, желанной и в то же время недоступной.

Вот опять я произнесла нужное слово – недоступность. В твоём понимании красота и женственность а priori означали доступность, как косметика два века тому назад отличала, словно клеймом, женщин полусвета и кокеток от светских дам. Если женщина была и старалась быть красивой, желанной, она тем самым давала знак всему миру вокруг, что она доступна, что она желанная и легкая добыча для любого, кто только протянет руку. Поэтому красота и женственность изначально содержали в себе грязь и непристойность.

Меня никто никогда не учил быть красивой, и много лет я страдала от того, что ощущала себя гадким утенком – некрасивой, непривлекательной, не идеальной в собственных глазах. Потом мне удалось сначала изменить себя до неузнаваемости, а потом и полюбить себя такой, какой я стала, но в глубине души я очень хорошо помнила, какой серой и непривлекательной глиной в руках неумехи-скульптора я видела себя в зеркале долгие годы молодости. С рождением ребенка я перестала быть женщиной и стала матерью, с головой уйдя в другую жизнь, в иное женское, так и не испытав, каково это – быть красивой, желанной, соблазнительной. Казалось, все это было мне уже не нужно, как вдруг появился ты, и я вновь почувствовала себя женщиной – средоточием красоты, желания, ласки, нежности. Я оглянулась вокруг и увидела, что все вокруг – прекрасно. Прекрасно мое прошлое – дорога проб и ошибок, прекрасно мое настоящее – путь измены и обмана, прекрасно мое будущее – рок, сулящий разлуку и потерю.

И я захотела этого – просто быть счастливой женщиной, стоять в твоих объятиях на теплом ветру с реки, принимать тебя как волчица в заснеженном зимнем лесу, прятать твою голову у себя на груди, словом, быть счастливой и не скрывать этого. Я хотела смеяться и радоваться, я не желала думать о том, что будет завтра, я не стремилась ничего загадывать, я просто жила в согласии со своей новой натурой и каждый день открывалась миру все больше и больше. Ведь в моем понимании счастье означает открытость, возможность впустить в себя все и отдать неизмеримо больше. Я хотела испытывать и проживать сильные чувства, я хотела быть слабой и беззащитной, я хотела стать сосудом, в котором через край плещет любовь, и мне было

наплевать, происходит ли все это в законном браке, или это моя вторая жизнь, существующая наравне с первой.

Но ты считал иначе. Мы не были женаты, и все, что происходило между нами, имело отвратительное клеймо греха – мы обманывали, таились, следовательно, не имели никакого права испытывать счастье. Каждую минуту наших отношений отравляло твое осознание трагической неправильности нашего бытия – мы были преступно вместе, мы были несправедливо счастливы, мы были недостойны друг друга (в первую очередь – я была недостойна тебя), мы были незаслуженно вдвоем, и так до бесконечности – о, ты великолепно умел видеть грязное везде, где бы ни находился. В эти минуты я представляла на твоих руках белые нитяные перчатки, которыми ты проводил по моей обнаженной душе, неизменно обнаруживая пыль и грязь там, где их не должно быть. Мы должны нести наказание и страдать, а поскольку именно я не желала придавать значения законности и справедливости, столь важным для тебя, то я была виновна в том, что наши отношения тоже погрузились в густую черную жижу адюльтера и обмана. Иными словами, я вносила грязь в твою чистую и безупречную до сего момента жизнь. И именно я не желала видеть этой грязи ни в чем – ни в своем прошлом, достойном сожаления, ни в своем женском, замешенном на красоте и потребности быть желанной, ни в своем чувстве, не ограниченном пределами брака. Значит, надо было заставить меня ощутить эту грязь на своей шкуре, заставить почувствовать – каково это, жить в грязи, лжи и обмане, вместо того, чтобы витать в облаках любви и счастья.

И ты это сделал, тебе удалось сотворить со мной то, чего не удавалось никому – ни слишком строгим родителям, внушавшим мне чуждые и жестокие моральные устои, ни тем, на кого я работала долгие годы, словно мужик в юбке, ни возлюбленным, бросившим меня безо всякой надежды на возвращение. Никому не удавалось лишить меня самого главного – радости быть в этом мире. Как бы плохо мне ни было, я знала, что рано или поздно наступит завтра, и небо надо мной снова станет чистым, мир обретет краски и запахи, и я проснусь однажды с чувством облегчения и пойму, что все закончилось. Как бы меня ни унижали, я знала, что вокруг меня есть и будут другие люди, другие обстоятельства и другие чувства, и я не имею права судить и тогда не буду судима сама. Как бы меня ни упрекали, я знала, что даже самый последний из нас имеет право на раскаяние и на прощение, и придет день, когда оно будет даровано и мне. Я надеялась каждую минуту своей жизни на лучшее, я ждала, я знала, я была уверена, что лучшее – будет.

Но твой дар был – обречь меня на безнадежность, на бессилие, на бесконечность. Но твой дар был – заставить меня не быть женщиной, возлюбленной, матерью. Но твой дар был – ввергнуть меня в ад за все мои прошлые, настоящие и будущие прегрешения, чтобы я или очистилась, или погибла.

Сначала я думала, что погибну, но у меня не было выбора – я училась выживать там, где уже не было ни любви, ни красоты, ни ласки, где меня унижали, обижали, попрекали, насиловали во имя одной единственной идеи – очистить меня от скверны, подготовить к новой жизни, наполнить иными понятиями о том, что есть добро и зло. Меня били, и я научилась бить в ответ, меня унижали, и я освоила науку ударить в самое незащищенное место, меня упрекали, а я, оправдываясь, тут же переходила в атаку. Я вернула тебе твой же собственный ад, и ты взвыл. Мы барахтались в собственной грязи, погружаясь в нее все глубже и глубже, и кто-то же должен был вытащить нас из этого бесконечного ужаса. Ни ты, ни я этого не смогли, и слава богу, нашелся человек, ценой страданий которого господь бог спас тебя. Я корчилась в грязи от боли и от осознания того, что меня больше не осталось. Я перестала быть женщиной, утратила

красоту, потеряла веру, не стала матерью, но самое главное – я поняла, что у меня больше нет того, ради чего стоит просыпаться по утрам. Я задавала себе вопрос, зачем, и не знала. Так я попала из ада в чистилище, ведь если кто-то не помнит, оно создано для того, чтобы грешник страдал вечно, не имея надежды на облегчение, и в этом смысле оно бесконечнее ада и рая, вместе взятых.

И потянулись дни, а за ними месяцы глухой ненависти и боли, непроснения, обвинений и упреков, и этих писем, и страстных снов, пока я вдруг не поняла, что я ни в чем не виновата, пока я вдруг не осознала, что я все еще женщина, пока я вдруг не захотела вновь заботиться о своем теле, пока я вдруг не согласилась, что имею право стать матерью, пока я вдруг не захотела просыпаться по утрам с сожалением о том, что я еще дышу. И тогда мое чистилище, моя добровольная ссылка окончилась. Нет, я еще не готова покинуть царство мертвых. Я еще слишком ранима, слишком обнажена, слишком чувствительна, но кто знает, может, я захочу остаться такой, как сейчас, чтобы всем телом ощущать чужую боль, прозревать страдания, слышать скрытые стоны, потому что грязь – всего лишь обратная сторона красоты, и они не случаются друг без друга.

Женщины ветрены, нетерпеливы,
Женщины злы и несправедливы,
До удовольствий запретных охочи,
И, словно свечи, податливы к ночи.

Женщины холодны, словно селедки,
Только на вид эти хищницы кротки.
В женщинах нет ни отрады, ни муки,
Словом, все женщины – подлые суки.

Все это так, только я-то не сука,
Есть мне и имя – Любовь и Разлука,
Есть мне и место – чужие постели,
Есть мне и смерть – от тоски и метели.

Письмо 6. Память и слезы

Дар памяти – это самое страшное наказание из тех, которые я знаю. И вдвойне – для тех, кто обладает этим даром в необычайной, чрезмерной степени. Начать с того, что я не только помню сами события, или места, где они происходили, я запоминаю картинку целиком, и она потом десятки, сотни раз воспроизводится в моем мозгу, как если бы я заново проживала ее. Меня окружают те же запахи, я инстинктивно совершаю те же движения, те же мысли приходят мне в голову, та же боль стесняет мне дыхание, и так до бесконечности, пока я не устану прокручивать ролик перед глазами.

Воспоминания всегда со мной, даже тогда, когда я не думаю о чем-то, что произошло в определенный день и час. Они всегда в моих мыслях, они все время стоят у меня за спиной, они прячутся в моей повседневной жизни, они словно чертик из коробки выскакивают во всем, что я вижу и слышу. Воспоминания – голоса, которые нельзя не слышать в своем мозгу, как бы ты ни зажимал себе уши.

Удивительное в том, что они менялись по мере того, как воспоминания все больше и больше погружались в пелену прошлых дней. Сначала это были ужасные, отвратительные, злые голоса – я вспоминала все плохое в нашей жизни – непонимание, обвинения, оскорбления, удары, ругань, словом, все то, что ставило и без того хрупкие отношения каждую минуту на ребро, словно гадальную монету. Я заново переживала всю боль, нарочно прогоняя эти картинки перед моим мысленным взором, я смаковала их, упивалась степенью своей униженности и неслыханной грязью обвинений с тем, чтобы еще больше возненавидеть тебя, с тем, чтобы хоть как-то оправдать в своих глазах то, что мы больше не вместе. Я рыдала от бессильной злости что-либо изменить в прошлом, в котором больше не видела ничего светлого, доброго, святого. Я словно радовалась тому, что ты выглядел в моих воспоминаниях таким вызывающе жестоким, нечеловечески злым и нарочито грубым в общении со мной, ведь каждое ужасное слово, каждое несправедливое обвинение, каждое грязное ругательство выдавало в тебе человека, во всех смыслах меня недостойного, того, от кого надо было бежать как от чумы. И я искренне не понимала, как я могла столько долгих лет любить монстра, спать с чудовищем, дышать одной мыслью о моральном уроде. Я вглядывалась в эти годы и не видела в них ничего, кроме горя, сожалений, унижений, ссор и ругани, забывая совершенно о том, что было еще и нечто другое, скреплявшее наши отношения после ссоры так, что мы оказывались в еще более тесных объятиях друг друга. Тогда мне казалось, что это была привычка нести тяжелую, но ставшую родной ношу – нести тяжело, а бросить жалко, как говорят в народе. Я думала, что мы оба просто боялись сделать шаг из этого затхлого будуара, потому что уже давно не дышали свежим воздухом проб и ошибок, не видели реальную, настоящую жизнь, устремленную в будущее, а не в переименование прошлого.

Нужные слова так часто приходят мне на ум, когда я пишу тебе письма, которые никогда не будут отправлены. Мы постоянно обсуждали прошлое – в основном, это была моя жизнь во всех ее деталях. Я рассказывала, ты, словно губка, впитывал мои рассказы до единого слова и интонации, перерабатывал их своими мощными челюстями боевого муравья, а потом приступал к допросу, позволяющему тебе выяснить недостающие детали, чтобы сложить полную картинку и высказать свое непререкаемое суждение. С некоторых пор я поняла, откуда и каким образом в тебе рождаются абсурдные мысли и суждения, в то время как я всего лишь бросала пару незначущих фраз. Однако тебе было достаточно и этой скудной пищи – ты готовил в пол-

ной темноте восхитительное блюдо, полностью из собственных приправ и запасов, с тем, чтобы подать к столу в самый неподходящий момент. Ты вносил его с пылу-с жару, ставил на стол и начинал есть – двигать челюстями, дробить кости, пережевывать эмоции, растворять едкой слюной чувства.

А я все это время сидела напротив и чувствовала, как ты ешь меня заживо. Сначала я пыталась оправдываться, робко доискиваться до руководивших тобой в том или ином случае мотивов, искать обоснований твоим умозаключениям, просто превращать все в шутку и сдобривать неприятный вкус любовью. Видит бог, я долго пыталась. Но чем больше было таких сцен каннибализма, тем меньше оставалось во мне терпимости, тем больше давала себя знать невыносимая боль быть поедаемой заживо любимым человеком, и тем чаще я подумывала о том, что это добром не закончится. Так оно и случилось. Я не планировала сорваться, но сначала это произошло один раз, и я в слезах клялась, что этого больше не повторится, потом это случилось еще и еще раз, и я опять клялась, а потом я словно с цепи сорвалась. Испытывая в течение многих лет невыносимые страдания, я вдруг оказалась не в состоянии терпеть даже самую легкую и безобидную боль. Это похоже на тяжелобольного человека, который мужественно переносит болезненные операции, но плачет, когда берут кровь из пальца. Я просто закончилась, сдулась, как воздушный шарик, я ни секунды не желала больше страдать и чтобы избежать малейшей боли, готова была обрушиться на мучителя всю мощь ярости и отчаяния.

Помню, как это ошеломило тебя в первый раз, и во второй ты тоже не был готов к такому жестокому и неожиданному отпору, но тебе пришлось смириться с тем, что я перестала безропотно сносить препарирование тобой моего прошлого, моих друзей, моей семьи, моих взглядов, моих святынь и перешла в наступление. Как всякий отчаявшийся воин, я сражалась без страха и упрека, я била наотмашь, я сторицей возвращала тебе твои же удары, я заходила так же далеко, как ты, и даже дальше.

Можно ли было это остановить – не знаю, потому что в эти моменты в нас говорила не любовь, а оскорбленное достоинство, амбиции, чувство самосохранения, словом, все, кроме любви к другому человеку, а не к себе. Мы так и не сумели сделать шаг назад – мы сотни раз начинали все сначала, но ни разу не отступили. Я написала об этом так:

И пусть у каждого из нас
Огонь останется во гневе.
Пусть кровью вытечет из глаз,
Любовь, убитая во чреве.

Пусть каждый будет виноват,
Пусть кожу жжет стыда окурок.
Но пусть ни шаг не сдаст назад
Ценой потери двух фигурок.

Пусть каждый будет только прав
И на пути все уничтожит.
И ради воинских забав
На карту жизнь других положит.

И пусть у каждого из нас
Достанет силы стать врагами.

И быть врагами всякий раз
Когда любовь и память с нами.

Теперь я понимаю, почему все произошло именно так – мы все время жили прошлым – моим прошлым, твоим восприятием моего прошлого, моим оправданием моего прошлого и так до бесконечности. В твоём видении у нас не было будущего – как ты считал, по моей вине и нежеланию это будущее видеть и создавать. В моём понимании, у нас было и настоящее, и будущее – то, которое мы могли бы заслужить сегодня, здесь и теперь. Но мы не жили сегодняшним днем, не радовались каждой минуте, проведенной в объятиях друг друга, не изучали себя и наши отношения, не встраивали их в свои жизни, из чего же могло вырасти будущее, спрошу я тебя сегодня? У тебя нет ответа на этот вопрос, а у меня есть: мы сами кастрировали себя до прошлого, задолго до момента разрыва превратив все хорошее, что у нас было, в прошлое, которое нельзя изменить, а можно только оплакать.

Однако я отвлеклась от того, что происходило с моими воспоминаниями. Я жила ненавистью, упивалась ей, лелеяла ее, потому что это была моя защитная стена, выстроенная вокруг души, это была жесткая корка, наросшая на открытую рану, и она давала мне жить и дышать. Я переполнялась злыми, обидными чувствами, которые беспощадная память с удивительной тщательностью подсовывала мне под нос. В конце концов, я просто не смогла не задать себе главный вопрос – как же так получилось, что я любила этого человека, и могу ли я после всего, что было, любить его по-прежнему? И ответ на этот вопрос пришел ко мне как откровение – я вдруг поняла, что я все еще люблю тебя, несмотря на то, что вижу в тебе и в нашей жизни одни лишь страдания и унижения, несмотря на то, что понимаю всю невозможность нашего счастья, несмотря на то, что благодаря тебе лишилась всякой надежды, здоровья, гармонии и душевного покоя.

Надо сказать, что я осознала это далеко не вдруг. Сначала я чувствовала, как растет напряжение ненависти внутри меня, как она разрушает мои внутренние органы, разъедает кости, тянет сухожилия, скручивает судорогой мышцы. Еще немного, и она разодрала бы меня на части, словно разъяренные лошади, рвущие повозку в разные стороны. К счастью, я вовремя услышала простые слова о том, что я должна отпустить тебя с миром, если хочу выжить в борьбе с ненавистью. Я должна отпустить тебя, потому что ненавистью я только еще прочнее привязываю себя к нашему общему прошлому. И я сделала это – я отпустила тебя, сама не веря собственным словам.

И тогда словно с бочки сердца сорвало стальные обручи – из него хлынули совсем другие воспоминания – нежные, ласковые, удивительные моменты любви, счастья, гармонии. И тогда в мои воспоминания пришла самая настоящая тоска – каждую минуту я вспоминала все хорошее, что у нас было, все то, что возбуждало во мне незабываемое чувство того, что я живу – не просто дышу, хожу на работу, готовлю еду, сплю, а проживаю каждый момент своей жизни, как последний. И тогда мне не надо было чернить тебя в собственных глазах, превращать тебя в монстра и этим оправдывать собственную жестокость. Это не значит, что я стала видеть тебя иначе – ты остался для меня тем, кем и каким ты со мной был – не лучше и не хуже, но я перестала травить себя за то, что любила и люблю тебя настоящим – живым и не приукрашенным сахарно-розовыми воспоминаниями, из которых, по всеобщему убеждению, должно уйти все плохое. На самом деле плохое никуда не уходит, ты просто начинаешь видеть еще и хорошее, начинаешь понимать самоценность этого момента вне зависимости от того, кто или что стало его содержанием, начинаешь ценить себя и собственное прошлое.

Завершив круг, я опять пришла к прошлому, только теперь это наше с тобой прошлое, мои сегодняшние слезы при любой мысли о том, что в нем было хорошего и плохого, в каких бы чудовищных сочетаниях они ни были перемешаны. Да, я хотела бы перестать терзаться всякий раз, когда прислушиваюсь к голосам в моей голове. Но всякое горе должно быть оплакано, сказал мне один мудрый человек, всякое горе имеет право быть оплаканным, думаю я. Я пыталась ненавистью заполнить пустоту после тебя, я хотела злостью излечиться от любви к тебе, я желала осуждением и чувством вины избавиться от боли и слез при мысли о твоём существовании, но, слава богу, я вовремя опомнилась. Пустота должна оставаться пустой, пока не появится то, что ее заполнит, любовь будет жить столько, сколько живет память о ней, а боль и слезы не закончатся до тех пор, пока не будет исчерпан их запас, пока под их благодатными водами не зарастет душевная рана, пока ее не затянет пленкой воспоминаний ровно настолько, что прикосновение перестанет быть мучением, но превратится в тихую ласку. Аминь.

Письмо 7. Случайное и вечное

Как говорил один мой любимый герой из мультфильма про панду, а именно Мастер Угвэй, случайности не случайны. Это сегодня я так легко готова согласиться с этой антиномией, но много лет назад я бы скорее умерла, чем признала, что это так. Мне казалось, что наша встреча произошла случайно, благодаря крайне неудачному стечению обстоятельств, ведь в то время я не обладала ни сегодняшним опытом, по большей части чрезвычайно горьким, ни интуицией, пробудившейся во мне лишь после нескольких лет страданий, ни умением видеть зацепки, связывающие ткань жизни воедино. Опыт позволил мне отыскивать аналогии в различных с первого взгляда ситуациях, интуиция дала возможность почувствовать то, что никогда не будет высказано словами и даже названо в мыслях, а умение читать и истолковывать знаки-зацепки позволило мне прочесть книгу, казавшуюся мне в начале пути бессмысленным набором букв и цифр. Кстати, когда-то в молодости, я именно так представила себе самую великую книгу в истории человечества, ради обладания которой люди безрассудно идут на самые тяжелые преступления, – набор бессмысленных точек и запятых...

В нашей встрече не было ничего случайного – я ждала тебя почти всю свою жизнь, я искала тебя среди других мужчин, искала родителя, которого не знала дома, искала мужа, которого не было рядом со мной, искала любовника, способного поддерживать мой внутренний огонь, искала отца ребенка, желающего иметь со мной детей, искала спутника, способного защитить в ночи. Как всякая идеалистка, я полагала, что все это можно встретить в одном мужчине, и что мне хватит жизни, чтобы найти такого мужчину, полюбить его и быть с ним счастливой. Я полагала, что готова жить с таким идеальным человеком, я думала, достойна такого безупречного мужа, отца и любовника в одном лице. И я его получила – ведь ты на самом деле лучшее воплощение всех этих ипостасей. Ты самый настоящий отец не только для ребенка, но и для собственной жены, ее родителей, ее окружения, ее коллег и начальника, словом, ты патер фамилиас или крестный отец в полном смысле этих слов. Ты безупречный муж для своей жены и кошмарный предмет зависти для чужих жен, а также их мужей, детей и родственников. Ты уникальный любовник для тех, кто хоть раз дотронулся до твоего тела, вдохнул твоего запаха, взглянул в твои глаза. Ты самый надежный попутчик в жизни, которого только можно себе представить – если откажут ноги или разум, ты силком, на собственной спине принесешь павшую лошадь в рай. Я была бы неблагодарной дрянью в глазах Господа нашего, если бы жаловалась, что в ответ на мои молитвы и робкие ожидания он послал мне тебя.

Но промысел божий никому неведом. Я полагала, что случайно встретила мужчину моей мечты (не жизни), для того, чтобы так не вовремя и не к месту осуществить свой выстрадавший идеал любви. Но я ошибалась по всем пунктам. Я встретила тебя не просто так, а потому что искала, но вовсе не для осуществления идеала любви, а для понимания того, что идеала не существует. Сегодня эта мысль кажется мне настолько простой, что даже странно, что я не заметила этой зацепки раньше. По образцу пользователей Интернета, ее можно назвать тегом или меткой – так вот, наша встреча с самого начала пришла ко мне не с меткой «идеальная любовь», а с меткой «реальная любовь». Если бы я тогда разглядела ее, вполне возможно, что жизнь повернулась бы совсем иначе. Попробую пофантазировать и представить себе, как бы развивались наши отношения, понимай я, что Бог буквально подложил мне тебя под ноги, чтобы я не прошла мимо. Знай я, что наша с тобой любовь – настоящее чувство из слез, плоти и крови, я бы не ждала от тебя так много, я бы не цеплялась за тебя, как за последнюю надежду в жизни, я бы не рвалась пополам между одержимостью тобой и долгом перед семьей, а просто

принимала бы все как есть. Понимай я тогда, что мне не дано ничего изменить ни в своей, ни в твоей судьбе, стала бы я надрываться на бесплодном поле вопреки воле его хозяина, спрашиваю я себя, и понимаю, что мы бы уже давно разбежались по своим углам, если бы не только я, но и ты не ошибся подобным же образом.

Ты ведь тоже искал – но только не идеальное чувство, а идеальную женщину – мать, жену, подругу, гетеру в одном лице. Тебе, в отличие от меня, было плевать на то, какими будут наши отношения – мы могли целыми днями не разговаривать друг с другом, смотреть сквозь тело и душу невидящими глазами, тебе было достаточно того, что ты каждую минуту, каждую секунду убеждался в том, что я идеальна, что я еще не упала с пьедестала, и стоило мне лишь наклониться, как ты тут же подправлял меня мощной рукой, чего бы это нам ни стоило. Видно, и тебе Господь послал меня совсем не случайно. Более того, я выяснила, что я уже приходила к тебе в этой жизни – только в других облициях, но всегда с одними и теми же словно вписанными в образ признаками – глаза с поволокой, темные волосы, жадное и жаркое тело, гордыня и упрямство, рациональность и безумие, чувственность и нетерпимость. Но ты не прочитал метки, или прочитал их неправильно – ты решил, что каждое новое воплощение было дано вовсе не тебе для исправления твоих ошибок, а им – для оправдания в их собственных глазах, поэтому ты без раздумий вступал на накатанный путь. Ты с жаром отрицал, что история повторяется, ты убеждал меня в случайности нашей встречи, в нелепости того, что происходит, в отсутствии всякой логики развития наших отношений, в непредсказуемости нашего конца. Увы, по мере того, как я прозревала и с горечью осознавала, что ни единого пустяка в нашей жизни не происходит просто так, что ни одной минуты мы не проводим без «высшего» присмотра, что ни одно слово не покидает наши рты без далеко идущих последствий, я мало-помалу переставала бороться с лавиной, не только сметающей все на своем пути, но и перемазывающей нас самих в абстрактную пищу для размышлений. Да и что толку биться головой об стену, если конец заранее предreshен, каким бы ужасным он ни был!

Но ты не желал этого признавать. Я же с возрастающим ужасом, словно вязанье, тянула к себе метку за меткой – женское несчастье твоей жены означало, что и я пройду ее же путем, нежелание твоих бывших подруг общаться с тобой рисовали передо мной модель наших отношений после того, как они закончатся, повторяющиеся изо дня в день, из года в год упрёки намекали мне на то, что они не прекратятся, даже если я выйду за тебя замуж. Порой у меня возникало чувство, что для меня навсегда наступил День Сурка – мы вечно вращаемся по кругу одних и тех, разговоров, ситуаций.

Вечность – это случайность, из которой не извлекают урока. Это и был наш случай. Ты не видел закономерности и предсказуемости всего происходящего, написанности сценария и сыгранности актеров, а я, хотя и осознавала это в тем более полной мере, чем больше наваливалось на меня бремя вечности, но так и не смогла убедить тебя в своей правоте. Ты крушил все на своем пути, не замечая все новых и новых меток – вот и у меня, как у твоей жены, стала расти опухоль (я даю в себе чувства и эмоции, и они преобразуются и разрастаются), вот и я захотела родить от тебя ребенка, но не смогла (нельзя родить ребенка не от мужа, ибо это грех), вот и я, оказавшись жертвой задержек авиарейса, вдруг очутилась на месте наших свиданий (невозможность оторваться от тебя), вот и я, гуляя с тобой по разрушенной церкви, невольно стала причиной того, что ты разбил голову в кровь (я – причина всех твоих проблем), вот и я после ссоры с тобой потеряла автомобильные ключи рядом с машиной и битый час рылась в снегу, пока они не нашлись (я наказана, в том числе невозможностью увидеть тебя), вот и я лечу по городу без пробок навстречу тебе, потому что сегодня у нас все хорошо, но в то же

самое время вчера я так и не доехала до тебя, поскольку в душе не хотела тебя видеть. И несть числа этим тегам, которыми усыпано полотно нашего бытия.

Сегодня наше полотно разорвано пополам, словно простыня с брачной постели, которую не обагрила кровь девственности невесты. Но метки продолжают преследовать меня с пугающей настойчивостью грядущей вечности. Я все еще нахожусь в той же самой матрице – все мои пути пролегают мимо тебя, мимо мест, где я была и счастлива, и несчастлива одновременно. Но последняя метка была из тех, что четко дают понять, что вечность для меня только началась. О ней расскажу поподробнее.

От своей редакции я получила задание написать статью, снабдив ее комментарием специалиста. Женщина эта работала гинекологом в районной консультации – совершенно случайно рядом с твоим домом. Я проехала через весь заснеженный город и оказалась там, где мне был знаком каждый пешеходный переход, каждая выбоина на асфальте, каждый светофор и каждый проулок. Чем дальше я ехала по району, где оставила несколько лет своей жизни, тем тяжелее становилось у меня на сердце, я вязла в чувствах, как моя машина – в снегу, я вспоминала все, что происходило на этих улицах, и в конце концов полностью погрузилась в тьму времен. Я поставила машину, зашла в поликлинику и вдруг вспомнила, что в еще более далеком прошлом, задолго до тебя, я уже была на консультации этого врача всего за неделю до рождения ребенка. Я вспомнила – морозный зимний вечер, давку в метро, короткую перебежку, страх ожидания, счастье облегчения – все хорошо, все прекрасно, до родов осталась одна неделя, и я уже спешу выбраться из чужого, незнакомого района на выселках. Так я думала тогда, но в каком страшном сне я могла бы вообразить, что именно это место станет моей родиной на многие годы? Разве я могла себе представить, что буду счастлива и несчастлива более всего там, где впервые появилась, потому что была беременна долгожданным ребенком от любимого мужа?

Скажи, теперь ты видишь, что случайности не случайны? Когда-то ты сказал мне, что после того, как мы расстанемся, я все равно встречу другого человека и опять буду его любить, но уже не так, потому что учту все ошибки, которые совершила и еще совершу с тобой. Это значит, что я опять получу домашнее задание – свое ли, чужое, и буду его делать, и так будет продолжаться вечно, то ли потому что я его не сделала, то ли тот человек, которого я еще только встречу, как и ты, откажется читать знаки и истолковывать метки, и я снова буду его убеждать в том, в чем сама убедилась еще с тобой. Мопассан написал в одном из «Рассказов вальдшнепа» фразу, которую я приведу по памяти: тот, кому суждено любить, тот будет любить вновь и вновь. И это действительно так – тот, кто раз за разом отдает свое сердце, душу и тело другому человеку, обречен делать это вечно, до своего последнего вздоха, потому что он ничему не учится, ничего не слышит и не видит, и ничего не желает понимать. Он и вправду похож на Соловья из сказки Андерсена, накалывающего сердце на безжалостный розовый шип, потому что он сам желает этого больше жизни.

Я в бездну глянула и ужаснулась,
Но если спросит бог меня –
Все изменить с того простого дня,
Я б все равно в него вернулась.

Письмо 8. Тогда и теперь

Я очень часто сравниваю то, как было тогда и то, как стало теперь. Вся моя сегодняшняя жизнь – это цепь удивительных открытий, как будто я только что вышла из монастыря, где провела много долгих, счастливых, мучительных лет, и теперь заново знакомлюсь с миром, который необычайным образом изменился за то время, которое я провела в своей келье. Все здесь ново для меня, и мне приходится привыкать к запахам, вкусам, ощущениям, отношениям, образу жизни, для того чтобы чувствовать себя здесь как дома.

Это тем более странно, скажешь ты, ведь ты никуда не уходила – ни из семьи, ни из своего близкого окружения, ни из той среды, к которой принадлежишь по рождению. Ничего не изменилось, пока мы были вместе, я просто завела себе вторую реальность, в которой мне было легко и приятно существовать с тобой, ускользая время от времени обратно. Это путешествие между мирами составляло, по твоему мнению, основное развлечение моей жизни, и, поскольку миры эти не пересекались, я ничем не рисковала, кроме тех случаев, разумеется, когда их орбиты слишком близко подходили друг другу – случайное пересечение на улице, требование немедленно спуститься под угрозой обнародования всей правды, разоблачающий телефонный звонок, явные угрозы и тому подобные меры шантажа с обеих сторон.

Что ж, так выглядели мои путешествия во времени и в пространстве со стороны, и даже я, некоторое время назад, тогда, думала, что это действительно возможно. Возможно существовать в двух разных мирах, проходя их тонкие сущности насквозь, не принадлежа ни к одному из них до конца. Возможно жить разными жизнями в каждом из этих миров – в одном из них быть матерью, женой, принадлежать кругу друзей и родственников, заниматься бизнесом, бытом и собой, в другом – быть тебе любовью, быть тебе больше, чем женой, быть тебе подругой в делах, родить тебе ребенка ради нас двоих, но только так, чтобы эти миры не соприкасались, и я была бы их единственным связующим звеном. Дело тут было вовсе не в адреналиновой лихорадке и не в позднем женском сластолюбии, отнюдь нет. Я просто заблудилась, я покинула свой мир на минутку, а потерялась на много лет. Словно в Хрониках Нарнии, я проникла в жизнь с тобой через платяной шкаф, но когда вернулась обратно, то поняла, что в моем мире за это время прошли годы.

Тогда у меня не было выбора – как только сердце сказала мне, что оно любит, я поняла, как дорог мне мой новый мир – тяжелый, скрытый, незнакомый, словно угрюмый еловый лес, стоял он передо мной, но в нем был ты, и я шагнула вперед. Так начались мои блуждания по твоему миру, в котором я, увы, никак не могла остаться. С какой горечью, стыдом и виной в душе я возвращалась в свою реальность, где все было родное от запаха стен до плача ребенка – родное и уже такое чужое. Отпирая дверь ключом, я словно входила в шлюзовую камеру, оставляя позади любовь, боль, гнев, горечь, сожаление, вину, стыд, смывая с себя в душе не только сперму другого мужчины, но и себя иную – страстную, неукротимую, неужимую, нерациональную, превращаясь в себя ту, которой меня знают в этом мире. Садясь у телевизора, я с удивлением вспоминала то страшное, не знакомое мне существо, которое еще недавно блуждало по полям твоего мира. Это странное ощущение я бы сравнила с чувством героя нового фильма Камерона, который бродил по планете в ипостаси ее коренного обитателя. В конце фильма новая реальность заслонила для него прежнее тусклое существование, а физическая травма сделала прежнюю жизнь принципиально невозможной, поэтому он выбирает один из миров, окончательно прощаясь с земной аватарой.

Не скрою, вначале я полагала, что это возможно, вначале я считала, что такое вынужденное раздвоение моей жизни – пускай нелепый, пускай несправедливый, но единственно возможный выбор, тем более, что он уже был сделан. Вначале я думала, что эти миры даже в принципе не могут совместиться и пересечься, как будто они расположены в разных галактиках или разделены прозрачной, но прочной стеной. Мне и в голову не приходило, что я поддаюсь величайшему из заблуждений, что можно жить здесь и там, оставаясь в обоих мирах самой собой, не меняя своей истинной сути, не приспособливая ее под изгибы того или иного мира.

Когда же я начала осознавать, что рано или поздно мне тоже придется сделать выбор между моими мирами – к тому моменту они оба казались мне одинаково обжитыми и дорогими? Когда, наконец, заметила, что они не так уж далеки друга от друга – на расстоянии вытянутой руки, телефонного звонка, стука в дверь, столика в ресторане, электронной страницы, почтового сообщения, встречи глаз? Когда поняла, что я уже давно не та – ни в одном из миров я больше не являюсь самой собой, я изменилась, я волоку за собой, словно сбитый парашютист, шлейф обоих миров?

Уже не важно, когда, но это произошло, и скорее всего, постепенно, исподволь. Не сразу, но я почувствовала, что уже не могу, подобно капле воды, просачиваться сквозь ткань мироздания беспрепятственно. Каждое движение в ту или иную сторону вызывало возмущение в мои миры. Пока твой мир рвал и метал, дома меня ждало ледяное молчание, пока твой мир ставил наши отношения на разрыв, мой мир занимал выжидательную позицию, пока я умирала от боли, непонимания в твоём мире, в моём меня ждало то же самое. Я постепенно становилась изгоем в обоих мирах, одинаково плохо приживаясь и там, и здесь. Ты гнал меня, а он меня не ждал, ты не понимал меня, а он не слушал меня, ты упрекал меня, а он меня избегал, и так до бесконечности. Я оказалась нигде – зависла в пустоте между пространством и временем, заблудилась в звездном странствии, оторвалась от силы притяжения обеих своих планет и стала вращаться на одной мне понятной орбите.

Более того, я стала замечать, как мои разные аватары проникли друг в друга, и я уже больше не была только собой в каждом из миров. Как будто на спину мне прилипали семена с чужой планеты, которые потом давали всходы, прорастали внутри и изменяли мою сущность. И в своем, до боли знакомом мирке я замечала за собой черты безумия, присущего мне раньше лишь в твоём мире, но и, будучи с тобой, я все громче и громче слышала голос разума, оставшийся, как мне казалось, в другой жизни. Я окончательно запуталась в том, где же я настоящая, чтобы потом задать себе главный вопрос – а существую ли я настоящая вообще?

И это вопрос о сравнении тогда и теперь. Теперь, когда моя жизнь плоская, словно панцирь мировой черепахи, когда она одномерна и прямолинейна, словно европейский автобан, я могу с уверенностью сказать – я знаю, кто я такая, я представляю, какая я на самом деле, я понимаю, на что я способна, я уверена, что я существую и я – настоящая. Не важно, что теперь мне – не простой, не одномерной, не плоскостной – приходится быть повернутой к миру одной гранью, это уже не имеет значения, главное, я знаю, что иные грани меня – тоже существуют, причем, здесь и сейчас.

Но это я знаю теперь, а тогда я лишь чувствовала, что происходит что-то неладное – мои миры сближаются и вот-вот столкнутся, и тогда наступит катастрофа. Выражаясь банальным языком – кто-то из нас не выдержит такого существования и разобьет стекло, а с ним – нашу жизнь. Ты ли сокрушишь все вокруг истиной правдой, я ли – беременностью от тебя в браке

с мужем, или это будет чистая случайность, которая – как ты уже знаешь, никак не случайна, не важно, но я понимала, что такое развитие событий неизбежно.

Видел ли ты это тогда, понимаешь ли ты это сейчас – увы, история об этом умалчивает, я не отправлю тебе эти письма, не поговорю с тобой по телефону, не отвечу на твои сообщения, не увижу тебя. Так уже решено, и так будет. Мне, собственно, совсем не обязательно видеть тебя, чтобы представить себе ход твоих мыслей – за столько лет непонимания я научилась отвечать за тебя. Так вот, я думаю, ты видишь ситуацию с моими мирами совсем иначе, тебе мое двоимирие кажется сознательным выбором, желанием жить необычной жизнью, стремлением постоянно испытывать исключительные по силе эмоции, своего рода адреналиновым голодом, который я всю свою жизнь не могу удовлетворить. Ты подыскиваешь доказательства тому в моей жизни, и они с легкостью находятся – ведь меня немало помотало по миру в поисках любви, работы, семьи, гармонии. Ты вглядываешься в мое прошлое и видишь ненасытное существо, блуждающее по миру в погоне за все более жестокими и сильными ощущениями, подсевшее на необыкновенные эмоции, рискованные приключения, странные отношения. И это не может не отвращать тебя, теперь я это хорошо понимаю, тогда же – просто пыталась разубедить тебя в том, что на твой взгляд, было абсолютно очевидно. Я не понимала тогда, как ты мог подобным образом ошибаться во мне, зато хорошо чувствую теперь, что ты и не мог думать тогда иначе.

Тогда я не понимала, почему ты не видел, что есть разница между женщиной в дороге и женщиной на дороге. Женщина в дороге просто не может ждать, пока судьба ее настигнет, и она бежит, зачастую не зная, куда, лишь бы двигаться, лишь бы совершать ошибки, лишь бы идти к цели. Женщина на дороге ничего не ждет, она берет то, что есть, и использует его в своих целях, а там видно будет. Женщина в дороге не отдается первому встречному, но иногда она не успевает понять, что встреченный ей человек – не тот, кто ей нужен. Женщина на дороге отдается и первому, и второму, потому что неизвестно, а придет ли за ними кто-нибудь еще... Я была женщиной в дороге, а ты видел во мне дорожную проститутку.

Теперь, когда я больше не дрожу, словно маятник, из стороны в сторону, мне приходится привыкать к тому, что мир неподвижен, словно жаркий летний воздух. Мне странно жить на таких медленных скоростях, я не умею нюхать цветы вдоль дороги, пролетая мимо них на автомобиле, я не приучена находить радости в простом и малом – утре без боли, дне без ссоры, вечере без любви. Иногда мне кажется, что я живу в скафандре, а в шлеме вместо стекла – экран телевизора, показывающий мне то, что было тогда, потому что я не желаю видеть то, что теперь. Я отчетливо понимаю, что мне надо заново учиться ходить – испытывать счастье просто от того, что я еще живу, от того, что живы мои близкие, даже от того, что где-то там жив ты, и я об этом знаю.

Ты врос в меня, как дерево,
И корни во мне пустил.
Я шуму листьев поверила,
А не верить не было сил.
И ствол был гладок,
И в кроне множество гнезд.
И сон был сладок,
И чист, словно влага слез.
Но я слишком поздно сказала: довольно,
Мне не видно высоких небес.

Я не знала, что это так больно,
Когда вырастает лес.

Письмо 9. Мораль и близость

Это письмо представляется мне трудной задачей еще до того, как я сажусь за эти строчки. Отчасти это потому, что с твоей точки зрения я абсолютно аморальна, т.е. существую вне законов нравственности и общепринятой морали. В твоём видении мой свободный образ жизни до замужества, моя бессознательная способность вызывать желание у мужчин, мое отношение к физической любви и близости в целом лежат вне границ того, что ты считаешь принятым и приемлемым.

Что ж, не буду отрицать, я действительно по-другому отношусь к морали и к нравственности в той ее части, которая касается отношений между людьми. Для меня тело человека есть всего лишь оболочка, красивая внешняя упаковка, до некоторой степени отражающая внутренний мир, но не тождественная тому, что называют душой. Тело – такая же вещь, которая дается нам в распоряжение и управление, и наша задача – в том, чтобы ухаживать за ним как можно лучше, чтобы пользоваться им как можно эффективнее, чтобы получать от него удовольствие и беречь его от повреждений. В моем понимании тело имеет и собственную жизнь, как ее имеют миллионы микроорганизмов, живущих в нем и за его счет. Не все в теле суть проявления богоподобной воли души, ведь мы едим, пьем, отправляем прочие физиологические функции совершенно бессознательно, и также бессознательно в нас возникают сексуальные желания и стремления их осуществить. И точно так же, как в результате беспорядочной и обильной еды человек наносит сам себе вред, так же бездумно он поступает, когда относится к физической любви как к чему-то беспорядочному, случайному и единичному. Здоровые физические отношения так же важны для организма, как и здоровое питание. Но вот вопрос – что такое здоровые отношения физической любви и как они связаны с чувствами и их проявлениями?

Стоило мне впервые в жизни увидеть тебя за несколько лет до того, как мы стали возлюбленными, как я уже знала, что это произойдет. Я никогда не отличалась интуицией, не предвидела будущее, но как женщина, или вернее сказать, как самка, я всегда и все знала наверняка. Первая же мысль, пришедшая мне в голову помимо моей сознательной воли, была буквально следующая: с этим человеком у меня будет физическая любовь. Едва родившись, эта мысль тут же исчезла, не оставив ничего – ни способа осуществления задуманного, ни соображения по времени, когда это произойдет, ни сожаления о последствиях супружеской измены. Она исчезла, чтобы я вернулась к ней несколько лет спустя так же естественно, как к мысли о необходимости лечения в случае болезни.

Наша физическая близость, или любовь тела, была предрешена еще до того, как между нами родилась любовь, чувство одной души к другой. И точно так же была предрешена любая физическая любовь, когда-либо испытанная мной в жизни. Как бы кощунственно это для тебя ни звучало, но для меня в молодости любовь тела была одним из способов познания мира, в данном случае, мира мужчин и отношений с ними. Конечно же, существовали и другие пути – знакомство, дружба, совместное проведение времени, но лишь во время близости человек открывал мне свое истинное лицо, недоступное во всех остальных жизненных ситуациях. Физическая близость, какой бы на первый взгляд она ни была – случайной, отягощенной алкоголем, прикрытой дружбой, оправданной деньгами и так далее, – всегда крайнее, экстремальное, чрезвычайно опасное взаимопроникновение двух людей друг в друга, допускающее самое минимальное, практически отрицательное расстояние между мужчиной и женщиной, ближе

которого только рождение, дальше которого – только смерть. То, что принято называть сексом, т.е., отношением между полами, на самом деле, есть самоотношение между мужчиной и женщиной, когда они представляют собой не двух разных людей, а одно целое. В физической близости познается все – и нравственность человека, и его взгляды на семью, и его отношение к детям, и его душевные качества, и его духовное и психическое здоровье, и его место в этом мире. Во время соития человек бывает самим собой в высшей степени, он открывает тайны, которые упорно скрывает в ином состоянии, он воплощает себя таким, какой он есть во всем – и в главном, и в мелочах, и в прикосновениях, и в завершающем трепете. Вот поэтому так страшно просыпаться рядом с человеком, который так и не стал тебе родным с первой до последней минуты, и дело тут вовсе не в смазанной косметике и дурном запахе изо рта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.